

Виталий Каплан

ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Виталий Каплан

Чужеземец

«Автор»

2007

Каплан В. М.

Чужеземец / В. М. Каплан — «Автор», 2007

В середине XXI века в околоземном космическом пространстве обнаруживается туннель в другой мир, где есть планета, очень похожая на Землю. Там тоже есть люди, но их цивилизация находится на уровне земной античности. Колонизировать её технически очень просто, но мировое сообщество налагает на это жёсткий мораторий. Формально — чтобы не разрушить уникальную культуру, а реально — чтобы Неотерра не оказалась яблоком раздора, не вызвала бы мировую войну между конкурирующими сверхдержавами. Поэтому её решено только изучать с орбиты. Но один из исследователей, Алан, убеждённый православный христианин, нарушает запрет на контакт, сбегает и принимается миссионерствовать. Всё происходящее далее подаётся как его глазами, так и глазами местной жительницы, знахарки Саумари. Но захватывающие приключения героев — это лишь фон, на котором ставятся глубокие духовные и этические вопросы. Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая. Прощание с луной	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	37
Глава шестая	45
Глава седьмая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виталий Каплан

Чужеземец

Часть первая. Прощание с луной

Глава первая

Эта самая Миумах – непроходимая дура. С первого взгляда понятно. Лет ей не больно-то много, пожалуй, чуть поболее полутора дюжин, но взрослая же баба, двое детей как-никак. А мозгов – как у сопливой девчонки.

Я показала ей кивком – садись мол, рассказывай. Вон сюда садись, на серую циновку. Специально для таких, как ты, постелена. Все вы тут сидите, горе своё выплакиваете.

Она не одна припёрлась – с детьми. Малой-то ладно, ему ещё долго грудь сосать. Сладко на руках её устроился, дрыхнет. А старшему уже годика четыре будет. Ишь как зыркает! Головёнка чёрная, глазки сизыми виноградинами. Интересно, значит, ему. Ещё бы не интересно. У ведьмы-то в гостях.

– Ты, парнишка, – протянула я к нему скрюченный палец, – не больно-то егози. Сядь подле мамки да и замри. А не то съем, вместе с косточками. Я шибутных мальчишек люблю, сладкие они.

То-то же! К матери прижался, глаза ладошками прикрыл. А меж пальцев всё же посматривает. Завтра весь квартал кожевенников будет знать, что Миумах бегала к тётушке Саумари...

Сама я уселась на широченный чурбак, ровно спиленный да зачищенный пень. Дерево тауби, ствол, почитай, в полтора обхвата. У нас такое не растёт, это с севера возят, из меннарских лесов. Давно уж этот пень у меня, семь серебряных докко отдала. Но впечатляет. Чуть ли не государев трон. А ещё ведь волчья шкура постелена. Волк тоже меннарский, палевый, у нас тут они помельче да порыжее.

– Ну что, девонька, с бедой ко мне? – прищурилась я, не спеша оглядывая посетительницу.

Глаза набрякшие, что-то из себя выдавить тужится. На скуле старый синяк желтеется. Это не иначе как муженек приложил. Или свекруха? Нет, вроде свекруху её паралич разбил. Кто у меня оттуда, от кожевенников? А ясно кто, вдова старого Балгуи, проныра та ещё. Делится новостями, и выпытывать не надо. В охотку делится.

– Да ты не торопись, девонька, – помогла я ей. – Сама всё про тебя вижу. Глаз у меня чёрный, глаз у меня острый. Что за седыми облаками, да что под синими горами – ничто не укроется, ничто не утаится. Звать тебя Миумах, и жена ты мастеру Агахири, и двух сынов ему родила. Но не любя ты ему, ой, не любя.

Дура-девка рот раззявила, слова мои точно сладкую колодезную воду пьёт. А тут и ведьмой быть не надо, всё и так понятно. Муж её колотит так, что на всю улицу вопли слышны. А девка-то маменькой балованная, до замужества небитая, терпеть не умеет. Родила двух сынов, а замуж-то её когда брали? Лет уж пять наберётся. Другие каждый год рожают, а эта... Мужу и обидно, в кабаке над ним смеются. А он, мастер Агахири, кабачок-то любит. Вино ему душу греет, да и денежки на вино имеются. Пока имеются. Что там вдова про Агахири шептала? Жеребец он ещё тот. Гуляет. К весёлой девице Иммини гуляет, и не только к ней...

– Другая у него зазноба появилась. Ой, чую, напоззает на тебя, девонька, туча грозовая, тень бедовая. Отошлёт мастер Агахири тебя в дом отчий. Даст письмо разводное, и пинком под зад.

Ну вот. Теперь мы рыдать надумали. Ещё не хватало. Малой проснулся, заверещал. И старшенький тоже вроде выть наострился. Только музыки мне и не хватало.

– А ну цыц! – низким голосом гаркнула я. Страшный голос, «зимняя буря». Не сразу он мне дался, три года училась. Наставник Гирхан был бы доволен. А я ведь даже не знаю, где в гонамских скалах его могильная пещерка...

Заткнулись. Все трое. Солнце в окно острыми лучами лезет, жалит, злое оно, полуденное солнце. А всё равно в горнице словно тьма набухла. Словно туча рыжебрюхая, готовая холодным ливнем разродиться.

– Так ли я рассказала, девонька? Не упустила ли чего?

– Истинно так, тётушка Саумари, истинно! – суматошно закивала деваха. – Повади́лся он, муженёк мой, к стерве этой, к мерзавке Иммини. Уже две луны как. Сколь монет на неё, тварь, извёл! Бусы мне из горного камушка так и не купил, а уже год как обещает. И лупит, ужась как больно лупит! Всё ему не так, всё ему слова поперёк не скажи, и каша ему невкусная, и лепёшки непропечённые, и бёдра у меня костлявые... – она вновь всхлипнула и с видимым трудом удержалась от слёз.

А на неё глянуть достаточно – и всё поймешь. И что мужу она над ухом зудит, когда он, усталый да вонючий, от своих чанов приходит и моется на дворе. И что кашу варить не умеет, что зерно меж камней трёт нерадиво, да и бёдра... скажем правду, неудачные бёдра... Только всё это неглавное. Любви от неё мастер Агахири не видит, ласки. Дура она и есть.

– Всё с тобой понятно, девонька, – изобразила я сочувствие. – Тяжело тебе жить, больно. Вот и прибежала ты ко мне. А скажи-ка, милая, что от меня-то хочешь?

– Помоги, тётушка! – бухнулась она на колени, хорошо ещё малого не выронила. – Помоги! Сделай так, чтоб полюбил меня муж. Ты ведь умеешь! Сила в тебе! Такое про тебя говорят...

Да уж знаю, что про меня говорят. Как не знать... И что в лунные ночи я по скалам ползаю, умерших младенцев из погребальных расщелин достаю да ем. И что в ворону оборачиваюсь да по всему белу свету летаю. И что вертлявый бог Миотагму, покровитель воров и лжецов, раз в год со мною любовным утехам предаётся, в подземном своём дворце, на золотом ложе.

Полезные слухи.

– А знаешь ли ты, девонька, – глянула я строго, – что помощь моя недёшево обойдётся? Просто так я никому ничего делать не стану.

– Всё отдам! – взвыла несчастная Миумах. – Только спаси!

– Так уж и всё? – усмехнулась я и потянулась растопыренными пальцами к малому.

– Кроме детей! – сейчас же поправи́лась она. – Детей не отдам! Бери деньги, бери жемчужину из приданого моего...

Ишь, торговаться начала. Уже хорошо. Значит, не совсем обезумела девка. А то ведь и такие попадают... кровиночкой родной расплатиться думают.

– Деньги, – хмыкнула я. – Те медяки, что ты от мужа утаила – это не деньги... И жемчужина твоя мне без надобности. У самой жемчуга найдутся. Вот что, милая, – оскалила я свои подчёрнённые золой зубы. – Помогу я тебе сейчас, а плату возьму после. Когда надо будет. Не трясись, не детишек твоих и не мужа-кобеля. Сослужишь мне службу... так, пустяки... Ну, готова ли? Решилась?

– Да, тётушка, – лязгнули друг о друга её белые зубы. Не вдова покамест, чернить не надо. – Помоги мне, и дам я тебе, что пожелаешь.

– Ну, смотри... – я повела рукой, и из рукава чёрной молнией выскользнул Гхири. Большой он у меня вымахал, почитай, в локоть длиною, ежели от мордочки до кончика хвоста. Мелкие чешуйки поблёскивают на солнце, точно радуга переливается. Хороший мой ящерок... Поумнее собаки будет.

Гхири свернул кольцом хвост, приподнял головку и, глянув на дуру-бабу, раскрыл пасть. Клычки-то хоть и мелкие, а кровищи пустить запросто может. Случилось такое года три назад, с купцом одним, не в меру любопытным.

– Сиди тут и с места не сходи, слова не говори. Пойду я тебе зелье сготовлю, а слуга мой, – погладила я двумя пальцами чешуйчатую головку, – покуда покараулит тебя.

Поднялась я со своего пня, колыхнула завесу и ушла в задние комнаты. Эта будет сидеть и трястись перед страшной ящеркой. Думает, видать, что детёныш драконий. И пускай думает, ей полезно. Пускай поволнуется. А я пока траву какую заварю. Поароматнее надо, и чтобы цвет дала зелёный. Зелень – это цвет любви, даже и дура поймёт.

...Солнце уже слегка уклонилось от полудня, когда я вошла в горницу с маленьким, до блеска начищенным котелком. Редкая вещь – стальной котёл, простые-то люди медными пользуются. Но я – не проста.

Зелье дымилось, исходило пряным паром. Травы «птичий глаз», толчённый мел и чуток бирюзовой краски. Смотрится.

– Вот, девонька, и снадобье. Сейчас малость остынет – и выпьешь. Сильное это зелье, кто его хлебнёт, того люди любить да миловать будут. Только чтобы оно подействовало, слушай, чего делать надо, а чего не надо.

Я понизила голос, настроилась, уловила в себе «бархатный тон» и начала:

– Когда на закате муж твой домой придёт, ты ему ни на что не жалься, ни на что не пеняй. Воду заранее согрей, чтоб тёплым отмывался-то. Пока мыться будет, стол накрой. Опротивела ему, видать, каша твоя, сготовь рис с овощами, да зеленью посыпь. Да хоть раз в седмицу мясо баранье купи, тонкими ломтями порежь, в уксусе винном вымочи... Не умеешь коли, соседок спроси, подскажут. Вина поставь разбавленного один к трём, не бойся. Дома он не сопьётся, ему кабак страшнее. А как трапезничать станет, детьми похвались, припомни, что старшенький твой забавного учудил. Когда поест, дай ему малого на руках подержать, а сама прибирать будешь. Прибираясь, песни весёлые пой, негромко только. Чтоб видел он радость сердца твоего. А уж как стемнеет и взойдёте вы на ложе, покажи ему, как он тебе люб. Помни, что муж он твой и господин, жизнь твоя и кровь. Про девку-разлучницу и думать не смей, не то что говорить. Утром буди его нежно, как проснётся – чашу холодной воды поднеси, а мысленно тверди: «ты муж мой, свет мой, солнце ты мне и луна я тебе». И так – каждый день. Поняла?

Закивала истово. Ох, сомневаюсь я, чтобы поняла. Уж больно глупа эта овца. Но зато доверчива как целая отара. На это и расчёт. Бабе в таких делах главное не сомневаться. Всё равно что по канату пройти.

– Ну так пей. Ты небось ждала, я тебе приворот накручу? Приворот... – я презрительно хохотнула. – Приворот любая сведующая бабка накрутит, а толку с него чуть. Развеется до рождения новой луны. А моё зелье не его к тебе – тебя к нему привяжет, и навсегда. Никаким гулящим девкам между вами не втиснуться... Ну что, выпила, не обожглась? Ну так и дуй до дома, да не болтай, куда бегала. А то муж узнает, поколотит. И помни, должок теперь на тебе.

Проводила я её с детьми, покачала головой вслед. И зачем мне сдалась эта дурочка? Сама не понимаю.

Достала я свою книгу, достала и письменный прибор. Чернила мои не больно-то хороши, для них заморские орешки потребны, их к нам редко возят. Приходится смешивать

толчёный уголь с рассветным соком травы «лисогон». Выцветают буквы, да уж на мой век хватит. Там и осталось-то, наверное, с полпальца. Шутка ли, целых пять дюжин лет. Боги, сказала бы вдовушка Балгуи, уж заждались. А я бы лишь кивнула. Зачем дразнить свиней?

Книга-то более чем наполовину исписана. И не первая это книга, и не вторая...

Пометила я день – вторая полная луна южного ветра махди, пятый год правления государя Уицмирла. Полагалось бы приписать «и да продлятся дни его», да я пальмовую бумагу берегу...

Забегало по листу отточенное воронье перо, потянулись ровные строчки. Всё я записала о дурочке Миумах, о муженьке её. Пригодится.

И только отложила книгу просыхать – кто-то застучал в дверь. Да не так, как ко мне стучат – с робостью и почтением, а будто молотком по гвоздю. Ну, стучи, стучи. Дверь у меня крепкая, а я пока что книгу в тайное место приберу. Не след кому видеть, что записи веду. Запрещено это специальным указом покойного государя. Храмовым жрецам можно, и купцам можно, и свободным данникам из Внутреннего Дома, а простому люду в провинциях – ни в коем разе. Буквы суть священные знаки, и не всяким там грязным пальцам их выводить... Режут такие пальцы... Ну а поскольку не жрица я, не купчиха...

И кто ж это у нас такой настырный?

Нет, парнишка точно не местный. Город наш, Огхойя, невелик. Полторы дюжины лет я здесь живу, всякую тварь знаю. Может, из сельских, с обозом пришёл? Стучится-то как яростно, вынь да положь ему тётушку Саумари.

– Ну? – откинув крепкий штырь засова, я встала на пороге. Сложила руки на груди, прищурилась. – Какому несчастному вздумалось беспокоить почтенную женщину?

Годов ему на вид – один-два над дюжиной. Повязка набедренная грязна как ненастная ночь, в растрёпанных чёрных волосах соломинки запутались, ноги пыльные. Исцарапанный весь, тощий. А на плече – я пригляделась внимательнее – выжжен синеватый треугольник. Рабское клеймо.

– Мне бы тётушку Саумари... – прохрипел он и неуклюже поклонился. Ясное дело, деревенщина. Городских-то рабов учат правильные поклоны класть.

– Ну, я это, – голос, когда надо, у меня колючий как чертополох. Сейчас, наверное, надо. – А вот ты-то кто, сопливый? Чего тебе? Ежели сбёг откуда, лучше сразу проваливай, не то стражников кликну.

– Тётушка! – взвыл он и повалился в горячую пыль у крыльца. – Смилуйся, помоги. Господин мой... помирает. Избили его...

Так-так. Это уже интереснее. Что ж за господин такой?

– Помирает, говоришь? – хмыкнула я. – И кто ж господин твой? Откуда родом?

– Звать его Алан, – всё ещё валяясь на брюхе, сообщил мальчишка. – А рода его я не знаю. Издалека он. Мы из Хайлассы с ним шли, в Таорам. Ну а дорогой так стряслось... Крепко его побили. Хорошо город ваш поблизости, я сюда побёг, ну и сказали мне, мол, если кто и возьмётся, так только тётушка Саумари. Господин заплатит, ты не думай... У него серебро в поясе.

Странно это мне показалось. Господин уж точно не из высокородных, к тому же имени такого никогда я не слышала. Чуток на меннарское смахивает, да иначе у них звучит, протяжнее. Кто его побил? Разбойники? Знаю я, что такое разбойники. Они не бьют, они режут. И серебро в поясе. Какое, к богам, серебро после разбойников? Значит... И зашебуршились у меня в душе нехорошие подозрения. Кем бы ни был его господин, а человек он явно беспокойный. Лучше не связываться, здоровее будешь.

– И где ж он сейчас? – осведомилась я.

– Да прямо за городской стеной, в рощице. В тенёк я его оттащил. Плохо ему. Если ты, тётушка, согласная, я мигом! Людей кликну, притащим.

Мне и самой интересно было, я согласная или как? По всему следовало погнать отсюда и раба этого, и господина подозрительного. Подумаешь, избили! При чём тут я? Зачем неприятности собирать, как репья? Смиловаться просит. Ишь как пузом-то елозит... А с другой стороны, завет наставника...

– Серебро в поясе – это хорошо, – задумчиво сообщила я. – За услугу свои я недёшево беру... Ну так уж и быть. Тащи господина. Хотя постой. Сейчас не найдёшь ты никого, кто б его приволок. Хорошие люди работают, а отребье всякое на базаре... Погоди чуток. – Приняв наконец решение, я спустилась с крыльца. – Да встань, дырку мне тут в земле протрёшь. Дожди пойдут – лужа будет.

Я сходила напротив, к старому Иггуси, горшечнику. Хороший он старичок, обходительный, и сыны его, Гаймих и Стауми, такие же. Да и обязаны мне кой чем. Ясное дело, Иггуси не препирался ничуть, вывел мула, и младшего своего взял.

– Вот с ними пойдёшь, – сказала я мальчишке. – Звать-то тебя как, сопливый?

– Гармаем кличут, – мгновенно повеселев, сообщил он. – Ты помоги, тётушка, Богом Истинным прошу.

– Кем-кем? – хмыкнула я. Ну-ну, Богом Истинным... Кое-что прояснилось. Слухи-то по земле бродят...

Вот только что посмеивалась я над дурочкой Миумах, а сама-то дурее её в дюжину раз. Нашла, с кем связаться. И обратно ведь не повернёшь, слово с губ слетело.

– Ступай-ступай! – буркнула я и ушла в дом готовиться.

Вода – она дырочку найдёт. Вот так же и сплетни – как бы ни пыталась я утаить, кто у меня в доме появился, а знаю, без толку, – назавтра вся улица станет языки чесать. Пускай и горшечник с сыновьями умолчат, и этот вот шустрый парнишка зашьёт себе губы – а кто-нибудь да подглядит, ветром кому-то в уши надует. Так у нас всегда.

И, однако же, я радовалась, что лютое полуденное солнце загнало всех под крыши. Может, никто и не видал, как старик Иггуси завёл мула ко мне на задний двор, как затаскивали они со Стауми тело в дом.

Едва я глянула, всё у меня в голове сложилось. Это не разбойники, уж точно. Это – камнями. Селяне – они люди смирные да пугливые, чужую кровь на себя вешать не хотят. А камнями закидать – поди разбери, чей булыжник довёл дело до конца...

Отпустив старика с сыном (те и рады были убраться поскорее), я села на корточки возле опущенного на тростниковую циновку тела. Весь грязный, плащ из козьей шерсти разорван, хитону тоже одна дорога – на тряпки. А лицо... Запёкшаяся кровь перемешана с пылью, глаза закатились. Но дышит всё-таки. Хрипло, прерывисто, а дышит. Не хочет его живая сила в воздух утекать.

– Чего расселся? – зыркнула я на Гармая. – Пошли, покажу, где кухня, где вода, где тряпки. Воду согреешь, сюда снесёшь, оботрём твоего господина, посмотрим, что от него осталось. Только сначала сам на дворе помоешься, ты мне тут грязный не нужен. В грязи зараза живёт.

Вспомнилось мне, как наставник Гирхан учил промывать раны. Я-то по первости удивлялась, с детства привыкла, что земля – она великая мать, она спасает и исцеляет. К больному месту ком земли прикладывают. «Как же, – насмешливо кривил губы наставник, – жди. Земля – это просто грязь, в которой мелкие черви живут. Они коли в кровь попадают, так и гадят в неё, а выделения их суть яд».

И прав он был, Гирхан. Никакая самая лучшая мазь не поможет, коли кровь уже отравлена. Говорят, и таких лечат умелым волхованием. Да вот сколько ни живу, а своими глазами

ни разу настоящего чародейства не видала. Такого, чтобы не усомниться. На ярмарках-то чего не насмотришься – там тебе и дерево из семечка за минуту вырастят, и виноградины из ушей тебе достанут, и монетка твоя в ладони у искусника растает. Только вот хитрость эта обычная, человеческая. Искусники, конечно, свои секреты не выдают, кормятся они с них. Но разве станет настоящий чародей на ярмарке кривляться за горстку медяшек?

Вскоре появилась горячая вода. Ну что ж, посмотрим.

На время вылетели у меня из головы и тягостные мысли о людях Бога Истинного, и память о наставнике – точно мёд диких пчёл, сразу и горькая, и сладкая. Остался только этот странный Алан. Когда отмыла я его (ух, и сколько же тряпок ушло!), оказалось, что кожа у него непривычно светлая, как у людей с дальнего севера. И хотя большой он и тяжёлый, а по всему видно – слабоват. Такие руки ни мотыги не держали, ни меча, ни кузнечного молота. Уж не высокородный ли он из Внутреннего Дома? А то и светлый держатель? Но уж больно имя чудное.

А вот раны его оказались не столь страшны, как думалось мне поначалу. Крови вытекло не так уж много, главные жилы не задеты, и руки-ноги вроде не переломаны. Рёбра... С рёбрами хуже, одно-другое, похоже, треснуло. И ушибов полно, будто толстыми тростниковыми палками его отходили. Да ведь и после палок люди встают. Что там с головой, пока неясно, били крепко. Но жить уж точно будет.

Что ж, дело знакомое. Есть у меня, к счастью, нужные травы. Заварю зелья да натру, смешаю с гусиным жиром, сготовлю мази.

– Как он, тётушка Саумари? – подал голос мальчишка, доселе молча сидевший на корточках в углу. – Вылечишь?

Я повернулась к нему.

– Лечить буду. А вот вылечу ли – это уже не ко мне. Это, – во рту у меня сделалось кисло, – как боги сообразят. Крепко твоего господина отделали. А вот за что его добрые люди камнями побили, ты мне сейчас и разъяснишь.

Гармай зыркнул на меня спелыми виноградинами глаз.

– Ничего себе добрые! Ну ты, тётушка, и скажешь. Как звери набросились. Ну чистые разбойники!

– Знавала я разбойников, – разговор не мешал мне растирать сухие стебли травы острожара. – Те своё дело знают. Камни – это не их оружие. Порезали бы разбойники господина твоего. Заодно бы и тебя порезали, чтоб государеву стражу не навёл. И серебришко всё бы выгребли. А тут гляди как благородно! Рук, значит, добрые селяне марать не стали. По древнему закону, камнями. А древний закон что говорит? Конокрада разрывают конями, поджигателя медленным огнём палят, вору руку рубят, соблазнителью чужой жены ясно что режут... А камнями – это значит, богохульника. И кто же, выходит, твой господин?

Мальчишка опустил голову, но промолчал.

– Ты мне молчать не смей! – закончив делать мазь, я принялась осторожными круговыми движениями втирать её в кожу Алана, стараясь не слишком давить на посиневшие места. – Раз уж ко мне прибёг, всю правду и выложишь, сам. А не то, – я решила, что пришла пора пугать упрямого парнишку, – заклятье чёрной луны на тебя наложу, под заклятьем-то у любого язык развяжется. Только вот потом худо тебе будет. Чёрная луна твоё сердце изнутри выест...

Я резко подалась к нему – и едва сдержала изумление. Любому на месте Гармая полагось побледнеть от страха, но этот паршивец лишь криво усмехнулся.

– Ты меня, тётушка, заклятьем-то не страшай, – оскалил он крепкие молодые зубы. – Защита на мне от злых духов да от всякой волшбы. Господин мой меня в воду три раза окунул и вот это дал, – непонятно откуда вытащил он вырезанную из воловьего дерева фигурку.

Две скрещенные палочки, поперечная покороче. – Теперь хоть дюжина духов на меня набросятся, крест их отгонит!

В голосе его чувствовалась немалая гордость. Ишь ты, какой, оказывается, говорливый. Дурак его господин – из таких зверьков плохие рабы получают. Слишком много о себе понимают.

– Да кто он такой, твой господин, чтобы деревяшкой духов гонять? – прищурилась я. – Может, князь Нижних Полей Аураххи человеком обернулся? Или Хозяин Грома на землю сошёл?

– Он посланник! – сообщил мальчишка. – Посланник Истинного Бога, Который превыше всех. Он нам благую весть принёс!

Я поднялась с корточек.

– Давай-ка мы с тобой посланника твоего на живот повернём. Спину ему полечим. Видать, не сильно-то этот ваш Истинный Бог о своём вестнике заботится...

– Так ведь спас Он господина моего! – сейчас же вскинулся мальчишка. – Забили бы они его насмерть, да в деревне загорелось что-то, они и бросились туда, тушить...

– Добрый бог, добрый, – заметила я. – Мог ведь и насмерть забить... А с чего, кстати, добрые селяне на вас напустились? Небось, вы мимо села шли и господину твоему захотелось им про своего бога поведать?

Гармай кивнул и вновь уставился вниз. Будь в человеческом взгляде сила, небось, продырявил бы мне пол на три локтя. Волхвы, говорят, и впрямь умеют. Я коли такое слышу, всегда киваю. Умеют, умеют, какой же дурак спорить будет?

– Всё с вами ясно, – вздохнула я. – Теперь на бок повернём, так сподручней будет... Да не тяни ты, бестолочь! Осторожнее, не то правое плечо заденешь... а там, может, кость разбита...

Я хмуро мазала ушибы. Загадочный Алан был в глубоком забытии, и немудрено – мне удалось разжать ему зубы и влить в рот несколько капель снадобья из корня амихары, эта сильная трава, сон даёт глубокий. Ему сейчас спать надо, не то от боли обезумеет, метаться начнёт. А метаться ему нельзя, пока неясно, целы ли кости.

Кислые у меня были мысли. Значит, всё-таки люди Бога Истинного... Уже почти год ходят о них разговоры. Завелись непонятно откуда, учение у них странное, но ведь находятся дурачки... Не вникала я подробно в эти глупости, зачем? Не чтят они богов Внутреннего Дома – что мне до того? Во Внутреннем Доме многие в открытую над своими богами насмеются. И ведь знатные люди, высокородные. Срамные стишки о них пишут... А в здешней земле нравы попроще, тут местных богов уважают. Но рассказывал мне наставник о древнем мудреце Сиугги, тот как-то изрёк: «Приходит ветер и уходит ветер, боги пожирают богов, а человеку всё равно в землю». Но местные о древнем мудреце не слыхивали, богов своих побаиваются. Вот и не одобряют этих возмутителей. Их счастье, что против государевой власти рот не разевают, а не то Внутренний Дом их бы живо на колёса...

И всё равно, принять таких у себя только дура и могла бы. Люди шептаться начнут, скажут, отняли боги разум у тётушки Саумари... и кто тогда ко мне пойдёт? В городе я не одна ведьма-то... Хигурри и Миахиса хоть и глупы, а вот, по слухам, всё же кое-что удаётся им...

Так что же, выгнать? Вот представила я, как снова зову старика Иггуси и велю уволочь отсюда полуживого страдальца. Куда-нибудь, лишь бы тут не пачкался. И показалось мне, что из дальнего угла смотрит на меня наставник Гирхан, смотрит и не мигает. Уж больно у меня воображение резвое...

– Вот что, парень, – развернулась я к Гармаю. – Об этом вашем Истинном Боге чтобы никому тут ни звука. Услышу – и без заклятий обойдусь, виноградная лоза тоже вещь в хозяйстве полезная. Господин твой у меня побудет, пока раны его не подживут и он не сможет

идти своей дорогой. Плату я ему назначу, когда малость оклемается. А ты у меня по хозяйству покрутишься, раз уж здесь. Кормить буду, но умеренно. Чтоб не подох. Дерзости не потерплю, с лозой быстро знакомство сведёшь. Услышал? А теперь живо на кухню, снова воду грей, в большом котле!

Мальчишка молча поклонился и резво выбежал из комнаты. А я осталась одна и, вновь опустившись на корточки, вгляделась в бледное лицо, расцвеченное бурыми и синими кровоподтёками. Линии бровей, очертания носа... разрез глаз. Вроде бы всё незнакомое, а метнулось вдруг сердце – где-то я уже это видела.

Только припомнить не смогла, хоть на память и не жалуюсь.

Глава вторая

Старухам моего возраста полагается страдать от бессонницы. Зевать, вздыхать, думать о всяких глупостях. Тут мне повезло, ни разу не приходилось корень змей-травы заваривать.

Только нынешний сон был таким, что лучше бы маяться, переворачиваясь с боку на бок в липкой духоте. Редко мне это снится, но уж как накатит...

Снова стояла весенняя луна Белоцвет, и над спящим городом Ишилуром распахнулась высокая синяя ночь. Полная луна, глаз Ночной Госпожи Алаиди, висела у меня над головой, и пахло, казалось, всеми травами разом. Стрекотали цикады, иногда коротко и глухо ухала сова, а мне было не до всех этих красот.

Пусто было во мне, точно внутренности выел какой-то слизень. И в эту пустоту вот-вот готова была хлынуть холодная чёрная тьма. Не на что уже надеяться, ничего не помогало. Жёлтая лихорадка – хворь коварная. Если день в день распознать, поить отварами тайных трав, втыкать тонкие медные иглы в нужные места... но поначалу кажется, будто человек всего-навсего простыл. Немудрено – Белоцвет такое время, что жара с холодами рука об руку ходят. А потом уже поздно.

Я извела последние деньги на знахарок, и они обещали Миухири исцеление, но глаза при этом у них метались, точно воробы, пойманные и посаженные в тростниковую клетку. Миухири, сынок мой, уходил. Всё ближе к нему была оскаленная пасть Нижних Полей. Кожа его обветрилась, натянулась, глаза, и без того большие, занимали теперь пол-лица. И, казалось мне, видели что-то недоступное никому из живых.

Я не плакала, кончились давно уже у меня слезы. Да и не время было предаваться рыданиям. Нужно было спасти моего мальчика. А знахарки ничего не могли, даже зелья их, снимающие боль, и то действовали слабо. Как Миухири мучился! Уже и кричать не мог, только сипел...

Оставалось одно. Когда людские силы иссякают, одна надежда на богов. До Хозяина Грома мне, конечно, было не достучаться, да и сподручнее женщине обращаться к иным силам. Высокая госпожа Алаиди, хозяйка ночи, повелительница теней и трав... Только она поможет!

Храм её, стоящий на невысоком холме, у самой городской стены, не закрывался на ночь. Каждый мог обратиться к богине в любое время, только немного находилось желающих прийти к ней в тёмную пору, да ещё при полной луне. Алаиди – госпожа грозная, нрав у неё переменчивый... Уж лучше при свете дня, когда силу её умеряет младший брат, сияющий Хаалагин. Солнце – это его видимый человеческому глазу облик... В дневное время госпожа Алаиди более сговорчива, но зато и просить её можно лишь о мелком. Чтобы уродился виноград, чтобы благополучно разрешилась от бремени жена, чтобы некий юноша заметил, наконец, воздыхания некой рябой и тощей девицы...

Но я хотела большего – забрать у смерти её добычу.

Храм встретил меня тишиной. Даже цикады примолкли. Луна заливала ступени желтовато-белым светом, столь ярким, что читать при нём можно. Впрочем, тогда я не умела читать.

Внутри было темнее, но всё равно сквозь огромные проёмы в стенах сочилось лунное сияние. Даже факел, что я предусмотрительно захватила с собой, не понадобился.

Колонны, подпирающие сводчатый потолок, казались стволами огромных деревьев, такие водятся либо на юге, в джунглях, либо в ещё более далёких северных лесах. Впрочем, откуда мне тогда было об этом знать?

В центре, перед высоченной, в три человеческих роста статуей богини располагался круглый мраморный алтарь, с углублением для стока крови.

Я, как положено, достала из сумки связанную курицу, положила на выщербленные плиты пола. Курица вела себя смирно – спала. Недолго ей, однако, оставалось спать.

Опустившись перед статуей на колени, я помолчала. Потом, подняв глаза к плохо различимому в полутьме лицу богини, хрипло прошептала:

– Госпожа моя, небесная повелительница, хозяйка ночи, грозная луна! Я взываю к тебе, потому что больше ни на кого нет у меня надежды. Умирает мой сын, единственная радость моя, свет жизни моей. Человеческое искусство не может его спасти. Страдает он, мучается. А ведь ему ещё только дюжина годов, он не стал ещё мужчиной, не познал радостей любви, не обрёл мудрости...

«Какой такой мудрости? – промелькнуло во мне что-то холодное и скользкое, точно рыба в ручье. – В лавке овощами торговать, вот его жизненный удел. А мудрость – это для знатных, богатых...»

Но я отогнала эту так некстати ввернувшуюся мыслишку.

– Смилуйся, госпожа! Прошу тебя, пошли ему исцеление! Я даю тебе по обычаю кровь...

Тут я поднялась с колен, взяла свою курицу, возложила на алтарь. Взмах тяжёлого бронзового ножа – и куриная головка покатилась куда-то во тьму, а кровь брызнула на белый мрамор. «Небось, каждый день храмовые служки до блеска оттирают, – вновь что-то ухмыльнулось во мне. – Иначе бы тут такая вонь стояла...»

По незаметному желобу куриная кровь стекала с жертвенника к ногам богини.

– Но это не всё, о великая госпожа. Я знаю, что тебе надо отдавать самое дорогое. Вот, – достала я маленькую серебряную коробочку. Единственные мои драгоценности, свадебный подарок покойного Гирроуги. – Я отдаю тебе это рубиновое ожерелье. Конечно, что тебе земные камни, когда самые яркие звёзды украшают тебя? Но пусть к рубинам прибавится ещё и это...

Наклонившись перед жертвенником, я вытянула левую руку, и крепко сжав зубы, резнула тем же бронзовым ножом свою кожу. Несильно, не так, чтобы перерезать вену – но тонкая тёмная струйка скатилась на мрамор.

– Я даю тебе свою кровь, тёплую человеческую кровь. И прошу у тебя исцеления своему сыну. Сжался, госпожа!

Всё было сказано, всё было сделано. Я обмотала порезанную руку тряпкой, спрятала в сумку нож, завязала тесёмки – с трудом, в темноте, в полторы руки. И встала перед богиней.

Луна за это время чуть сместилась, и теперь широкий поток света падал на её лицо. Холодное, белое, равнодушное лицо. Кусок мрамора. Я ждала. Ждала хоть какого-то знака, хоть какого-то отзвука – но было тихо и пусто. Надежда моя таяла, как огарок свечи.

И тут оно всё и случилось. Внезапное, гулкое и страшное понимание. Сердце метнулось – и, почудилось мне, упало на тёмные плиты пола, разбилось глиняной миской. Пустота! Там, за этим мраморным лицом – пустота! И за лунным глазом, и за гранью небес. Есть лишь холодный ночной воздух, есть бусинки звёзд, а богов – нет. Никаких Господ, Хозяев и Правителей. Обман. И не кто-то могучий да хитрый обманывает нас – это мы сами... Каждый сам себя, и все вместе – друг друга...

Выбежала из какой-то щели жирная крыса, поводила острой мордочкой – учуяла, стало быть, куриную кровь. И не только куриную. Воровато глянула на меня – не претендую ли на её добычу? – и одним прыжком взлетела на мраморный жертвенник, где валялась обескровленная тушка.

Что мне до того? Я повернулась и вышла в звенящую голосами цикад ночь. В мир, где нет и не было богов. И где только что, прерывисто вздохнув, умер мой сын.

Утром я была злая. Прилип ко мне этот сон... И ведь не вырвешь из себя... Пришла от купца Наогиси служанка Миугних, принесла еду. Мне ж некогда самой зерно тереть да кашу варить. Не ведьмино это дело.

– Мало принесла! – фыркнула я, заглянув в горшки. – Чтоб завтра больше было. И курицу хочу. Вот тебе медяшка...

Курица... Вот уж чего мне не хотелось. Торчал занозой этот непрощенный сон. Но больного надо бульоном кормить.

Гармая я тоже загоняла. Нечего ему возле господина сидеть да в лицо тревожно заглядывать. Раб – он работать должен. Дел-то по хозяйству немало накопилось. Я как-то подумывала, не нанять ли служанку, да и раздумала. Ни к чему мне в доме лишние глаза. На худой конец всегда есть кого позвать. Уважают меня в городе да побаиваются, лишь свистну – всё сделают. Но это на крупный случай, а по мелочи столько всего надо... Вот и сгодился мальчишка.

А я, поев чуток просяной каши, пошла в дальнюю комнату, где на тростниковых циновках лежал его господин.

Тот, оказывается, уже не спал.

– Ну и откуда ж ты такой взялся? – я не спеша ощупывала его раны. – Из какой семьи будешь, какого звания человек?

Алан пошевелился, заворочался. Сумел даже приподняться на локте. Да уж, травы своё дело знают. Жар утянулся, кровь по жилам с прежней прытью бежит, а боль – ну что боль? Не такая, чтобы криком кричать. Перетерпит.

И всё-таки было ему пока что худо. Серые глаза точно дымкой заволокло, и смотрит он из этой дымки – всё равно что гранитные глыбы ворочает.

– Звать меня Аланом, – голос его оказался, в отличие от разбитого тела, вполне крепким. Густой такой бас, даже чем-то смахивает на речь Гирроуги, мужа моего покойного. – Странник я, хожу по земле... а семьи у меня давно уже нет... Что касается звания, – сизые от загустевшей крови губы чуть дёрнулись, видно, в улыбку сложиться решили... – Звание у меня самое простое – человек я... Вестник Бога Истинного. А откуда я взялся... – он помолчал, уставившись глазами в низкий потолок... – Из очень дальней страны, в Высоком Доме про такую не знают и имя её ничего тебе не скажет, добрая женщина.

Вот так за меня всё и решил, что мне знать надо, что нет. Ишь ты, простого он звания... С такой важностью сказал, словно о родстве с государем поведал. И хоть бы для приличия назвал свою землю... даже если я и впрямь такой не знаю...

– Значит, вот чего, – сказала я, осмотрев наконец его раны. – На самом деле без разницы мне, кто ты и откуда, господин Алан. Но ты в моём доме, и быть тебе здесь не меньше полутора лун, плохи пока что болячки твои. А доколе ты здесь, рот не по делу разевать не смей. Об этом самом божьём помалкивай. Не должно его имя тут звучать, понял?

– А что так? – зыркнул он на меня не по-нашему светлыми глазами. – Я, добрая женщина, как раз собирался благословение Божье на твой дом призвать. И чем же тебе Бог-то Истинный не угодил?

– Вот только не хватало мне о богах спорить, – фыркнула я, прикидывая, какие травы понадобятся на сегодня. – Есть у нашего города боги, есть покровители... вот хоть Ночную Госпожу взять, или Распорядителя Ветров... А новые боги – это новые смуты, понял? Что про меня люди говорить станут? Кого пригрела, смутьяна? Вот оклемаешься, пойдёшь куда тебе надо, там и болтай. Сперва, конечно, за постой и заплатишь, – многозначительно добавила я.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Отчего бы и не заплатить, добрая женщина? Но...

– Меня, между прочим, тётушкой Саумари звать надо, – сказала я. Интересно, какое он мне «но» приготовил?

– Но вот хватит ли мне серебра... У меня осталось две дюжины докко, а здешних цен я не знаю.

Вот тут-то я окончательно поняла, из какого дальнего далека он притащился. Кто ж по доброй воле скажет, сколько денег с собой? И кто обмолвится, что не знает цен? Или полный дурак, или... Не похож был этот господин Алан на дурака.

– Видно будет... За постой-то ладно, много места не займёшь и не обожрёшь меня, старуху, – утешила я его. – Да и мальчишка твой пока в хозяйстве сгодится. А вот травы, что на лечение потребны... Дорогие у меня травы, редкие... в дальних странах собранные, в ночь пепельной луны, под соединением звёзд Арбис, Гуазь и Араханги...

Малость понесло меня. Будто перед очередным посетителем пёрышки распускаю. Соединение звёзд... красивая песенка, внушающая. Дальние страны опять же... До этих дальних стран полдня ходу, и травки-то вполне обычные, только мало кто их правильно собрать умеет. Наставник Гирхан всему меня научил... Ох, встретиться он мне раньше... когда ещё жив был Миухири... Тогда бы я вовремя сообразила, что значит сухой кашель по утрам, и отчего потеет лоб на закате... и отвар из лебединого листа вкупе с «волчьим ухом»... Глядишь, и выходила бы... Но что толку мечтать о несбывшемся? Не повернёшь назад годы... Утекают, как резвая, плюющаяся пеной река. И даже нет, по реке, сильно налегая на вёсла, можно подняться вверх, а тут... Мне иногда кажется, что годы – они как раз и стоят, а это мы всё сквозь них продираемся... как в пещере, по узкому лазу... и не развернуться... а камни над головой дышат, вот-вот обрушатся... потому и останавливаться нельзя, а только вперёд... в такие же норы...

– И кто же ты такая, тётушка Саумари? – любопытствовал Алан, с кряхтением повернувшись ко мне. – Какого ты рода, кто твой почтенный муж, если он жив? Чем кормишься?

– А то не понял? – хмыкнула я. – Ведьма я тутощняя. – Сглотнув несколько раз, я подстроилась под нужный голос. – Ведьма я. Больных целю, ветрам велю, слаз сымаю, порчу насылаю... А род мой тебе без надобности, да и никого уж не осталось...

– О как! – улыбнулся он разбитыми губами. – Ведьма, значит? Интересно... не приходилось мне ещё с ведьмами встречаться. Волхвы – те да, были.

– Ну и как тебе волхвы? – Мне и впрямь стало любопытно. Уж сколько я после смерти Миухири постранствовала, и до наставника, и с ним, и после – а все волхвы, что мне попадались, большие сомнения вызывали. Говорили о них многое, а мне вот как-то не довелось чудес узреть. Настоящих чудес, не фокусов, каким меня наставник Гирхан обучил. Может, не везло? Не тех встречала?

– Да разные они... С одними просто спорили... иногда и очень толковые попадались... а иные меня своими прирученными духами травить хотели. Но, как видишь, жив. Что могут завладевшие ими духи против Того, Кто повесил над землёй солнце и луну?

– Я тебе что сказала? – сейчас же взыграло во мне. – О богах чтобы молчок! Мало ли чьи-то уши некстати уловят. В дом-то ко мне люди ходят... помогаю я людям. Так вот, господин Алан. Чтобы из этой комнатки – ни ногой. Сейчас-то и так понятно, что ты ни ногой, ни рукой, ни чем другим, окромя ядовитого своего языка... Но потом-то оклемаешься. Так смотри у меня, не то...

– Не то что? Заклятье наложишь? – краем губ улыбнулся Алан.

Чем-то сейчас он напомнил мне мальчишку этого своего, Гармая.

– Ну вот ещё, буду я драгоценную силу колдовскую на такие глупости тратить, – хмыкнула я. – Просто выставлю из дома недоленного, и ковыляй себе по дорогам, мути людские умы.

– Но сейчас-то нас никто не слышит, тётушка, – уж до чего он оказался настырным! – Сейчас-то хоть скажи, чего именно опасаясь? Вроде бы слова об Истинном Боге никаких государевых законов не нарушают. По землям Высокого Дома ходят люди из разных стран, и не запрещается им о богах своих рассказывать. Почему же мне такое исключение?

Цыкнуть-то на него я могла, но, может, и впрямь объяснить? Авось, на ум намотает.

– Да чего уж тут непонятного? Про этого бога твоего я уже не раз слыхала. Ты на базар выйди – всё узнаешь... Почти уж год молва ходит... И всякий раз – какая-то пакость. То кого камнями забьют, – я зыркнула на него глазом, – то храмовые жрецы объявят сих смутьянов виновниками засухи или мора... Того и гляди, кровь польётся, начнут люди выискивать поклонников твоего Истинного... государев наместник встрепет, из Внутреннего Дома войска придут замирать. И никому мало не покажется. Там-то ладно, во Внутреннем Доме... Там высокородные совсем распустились, богов своих исконных ни в медяшку не ставят. А здесь у нас земля древняя, здесь у нас порядок. Не положено тут людей к чужим богам переманивать. Не то обидятся боги местные, устроят наказание – саранчу там, гниль пшеничную, жёлтый мор. А такие дела смутой кончаются, смута же есть преступление против государя. Так что ты, господин мой непонятливый, государственным преступником выходишь. А я, стало быть, пособницей и укрывательницей. Мне, честной и почтенной ведьме, это надо?

– Понимаю, тётушка. Очень даже понимаю, – вздохнул Алан. – Дело-то знакомое. Что ж, постараюсь не подвести. Но вот сейчас, когда нас наместник со жрецами не подслушивают, всё же призываю я на эти стены благодать Божию. Она-то и защитит, если что. Не волнуйся, тётушка, всё будет как надо.

Повернулась я и вышла. И так уж сверх меры наболтались. Ишь, «как надо». Как кому надо? Уж всяко не мне.

Глава третья

Солнце уже книзу клонилось, когда Гармай со двора прибежал – спрашивают, мол, тебя, тётушка. Ну понятное дело, спрашивают, удивительно, что сегодня никто не приходил. Обычно-то шастают едва ли не по десятку – у одного зуб разболелся, у другого колики, кому-то денег одолжить, у кого-то с детьми нелады... и всем им ведьма позарез требуется.

Только сегодня никому я не была нужна. Перебирала на чердаке травы, пришлось кое-то выкинуть – пересушила, ушла из травы сила. Запись в книгу сделала, об этом утреннем разговоре с господином Аланом. Зачем написала? Пользы всё равно никакой – разве что на старости лет перечитать, вспомнить... На старости... Сейчас, можно подумать, молодость. Сейчас бы, сплетись иначе судьба, у меня бы внуки по двору бегали, может, постарше этого мальчишки Гармая. И муж мой, почтенный старец Гирроуги, сидел бы на тростниковой циновке, перекатывая во рту шарик «змеиною хлеба», от него радость чувствуешь, если не больно-то увлекаться... А в лавке у нас было бы всякого товару – и холсты из северных земель, и заморские шелковые ткани, крашенные в золотое и чёрное, и шерстяные плащи, и... И сынок мой, Миухири, сидел бы, торговал, конторскую книгу бы вёл, по полному государеву праву...

И ничего бы вот этого не было – ни ящерка моего, шаловливого Гхири, ни дома огромного, почитай, за бесценок мне доставшегося, ни целебных трав... ни других трав, высоких, выше пояса, ни северных лесов, ни пыльных дорог, на одной из которых встретила я наставника Гирхана, ещё не зная тогда, что будет он мне наставником и отцом... И почитала бы я богов, носила бы в храм установленную дюжинную долю... Конечно, я и сейчас таскаю, но ведь не болванам мраморным, а жрецам... чтобы не рассориться с ними. У нас-то ещё ладно, ведьм да волхвов не обижают, коли с храмами не собачиться, а вот, рассказывал наставник, в дальних западных землях, на Побережье, никакой волшбы не дозволяется. Лечиться, гадать, привораживать – пожалуйста в храм, на приём к жрецу, платите долю, княжьими чиновниками установленную. А ежели кто тайно, на дому – тех хорошо ещё если палками да в изгнание. А то ведь могут и на колесо...

Заглянула я пару раз к больному моему, проверила, что да как. Поправляется больной. Вставать, конечно, ещё не может, но шевелится. А в глаза глянула – полные муки глаза. С чего, думаю? Боль-то уже успокоиться должна, не волком кусать, а червячком грызть. Оказалось – надобность у него. И молчит, чужак, жмётся. Ну, с мальчишкиной помощью на поганный горшок всё же уселся... да и то мне выйти пришлось, стесняется он, мол. Станный человек, очень странный. Ни простолюдин так себя не поведёт, ни высокородный, ни во Внутреннем Доме, ни в провинциях. Точно его лет тридцать где-то в тёмном подвале держали, а потом выпустили в жизнь – свободен, мол, гуляй. Только вот после тёмного подвала мычат да слюни пускают, а не о всесильном боге проповедуют...

И почему я весь день о нём думаю? Мало ли мне в жизни странных людей встречалось? Один вот птицей себя считал, другой царским сыном, в младенчестве злодеями похищенным. А этот – почти нормален. Речь ясная, в глазах мути нет, и не пахнет от него безумием, как от тех. Однако же – ну нездешний он какой-то. С любой стороны взгляни – нездешний.

Оборвала я поток мыслей своих, пошла глянуть, кто меня спрашивает. Оказалось, немолодая уже баба, почитай, три дюжины годов будет. Худая, солнцем выжженная, глаза – как две дырки в Нижние Поля. Присмотрелась я к ней, вспомнила. С окраины баба. Вдова гончара Уиригми... а вот имени не припомню. Это плохо. Надо сразу впечатление произвести. Нельзя только на одну славу полагаться, этак ссохнет слава.

– Ну? – хмуро спросила я, стоя на крыльце. – Чего дома не сидится, чего ради с гончарного края ко мне припёрлась?

Она голову низко опустила, вздохнула.

– Беда у меня, тётушка Саумари. Может, сумеешь чем помочь?

Похоже, и впрямь беда. То-то она стоит, как невидимой дубиной стукнутая. И тени на лице какие-то нехорошие. Не от болезни такие тени бывают.

– Ну, коли беда, так пойдём в дом, поговорим, – велела я и отступила внутрь. Женщина молча последовала за мной.

Поначалу думала я в «приёмную» её вести, где пень мой заморский стоит, а на стенах крысиные черепа развешаны, стеклянные звёзды о семи лучах да пучки сушёных трав, не сильно целебных, зато сильно пахучих. А потом решила – только напугается. Ей, бедняжке, и так несладко, от неё тоской так и разит.

Повела её в тёмную комнатку, как раз возле той, где нездешний господин Алан лежал. Сквозь тростниковую стенку слышно хорошо. Сама не разберу, зачем мне захотелось, чтобы он послушал. «Никогда ни один твой посетитель, – с самого начала внушал мне наставник Гирхан, – не должен знать, о чём ты с другим говоришь. Что одним глазом кажется колдовством, в том двумя глазами человеческую ловкость увидишь. Поэтому скрытничай да тайну блюди». А вот не захотелось мне блюсти – точно и не ведьма я, а она – не посетительница с какой-то чепуховой своей нуждой.

Однако же нутром я чуяла – нужда не чепуховая.

Запалила факел, села на циновку и её садиться пригласила.

– Ну, рассказывай, женщина. Всё рассказывай.

Действительно, оказалось, беда.

Звали её Таурмай, было ей тридцать три года, и после смерти мужа своего, горшечника – три года уж тому случилось – продала она мастерскую. Кормились они с дочерью тем, что покупали козью шерсть, пряли пряжу да вязали плащи. Доход не великий, но верный. Плащ шерстяной – вещь в холода нужная, а холода и в нашей Огхойе зимой случаются, а уж в горах тем более. Да и путники их берут охотно, мало ли куда судьба забросит, может, и зимней степи ночевать придётся... Дочери её, Гвиури, шестнадцатый год пошёл. Всем удалась девка, и работающая, и скромная, и красивая, парни уже заглядывались, вдова Таурмай начинала прикидывать, к кому свататься. Но вот тут беда и подкатила.

Цены на шерсть взлетели, с трёх докко за двойную меру до восьми. Говорят, на дорогах стало беспокойно, шалют на дорогах – вот и боятся селяне с восточных гор в Огхойю шерсть возить. А у них хорошая шерсть, не то что от местных коз, только на молоко и годных. Но и запасов-то особых у вдовы не было, пришлось по новой цене брать. А для того деньги потребны, вот и пошла она к ростовщику Гиуртизи, с Прямой улицы. Одолжила дюжину дюжин докко, под рост в пятую долю. Этому уж полгода как миновало, надо отдавать долг. А нечем. Беда, она поодиночке не ходит. Плащи-то не сама она продавала, не на что ей лавку держать, да и некогда. Сбивала старому торговцу Хаймари. А Хаймари уж луну как помер, и сыновья его, наследники, лавку продали, деньги поделили да и во Внутренний Дом подались. Молодые. Скучно им тут, в глухой провинции. Загорелось им на государеву службу поступить... Вот и некому оказалось плащи продать. А полгода вышло, Гиуртизи долг требует. Товаром брать отказался. Мол, некогда ему торговлей маяться. Давай деньги. А нет денег – значит, девчонку свою отдавай, Гвиури. В вечное рабство.

Ну, дальше-то понятно. Обе ревут, а что поделаешь? Три дня осталось, а потом Гиуртизи с судьёй и стражниками придёт. Расписка у него есть, свидетели есть. С судьёй Маграсси он лучший друг. Бежать? Да куда ж тут убежишь-то? Дело известное, с почтовыми голубями весть разнесут по окрестным селам – и за выкуп повяжут их селяне да и выдадут ростовщику с головой. У кого-нибудь занять? Да нет ни у кого таких безумных деньжищ. У

самой же Таурмай всего-то осталось три дюжины докко. Если дом продать и плащи, ещё, может, сотня выйдет, и то коли повезёт.

В храмы она ходила, и к Хаалгину, и к Алаиди, молила, кур и горлиц резала, а толку... Немилосердны боги, высоко они сидят, что им мелкие заботы каких-то вязальщиц?

Помолчала она, чуть было не разрыдалась, да удержала слёзы. Сильная женщина. Собралась с духом, заговорила негромко:

– Тётушка Саумари, может, хоть ты поможешь? Про тебя столько рассказывают. Мол, ты и мёртвых живыми делаешь, и судьбу по звёздам читаешь, и смертную хворь наслать умеешь... Я тебе всё отдам, что есть...

– То есть три дюжины докко, девочка? – хмыкнула я. – Ну, или малость больше, коли дом продашь и нищей останешься... Да разве ж в этом дело? Ты подумай сама, ну чем я тебе помочь могу? Творить золото из грязи не обучена, да и никто из настоящих волхвов такого не умеет. Порчу на ростовщика навести? Так правильная порча не за три дня человека съедает. А неправильная... Ежели он сразу помрёт, разговоры потянутся. Думаешь, ни одна душа не углядела, как ты ко мне подалась? Думаешь, у улицы глаз нет? Знаешь, что по государеву закону отравителей да мастеров порчи ждёт? Огнём их жгут, родная. Да и вас с дочкой не помилуют... А кабы и пронесло... Дело-то глупое. У Гиуртизи двое сыновей, жена, младший брат. Унаследуют ему. Думаешь, у его родичей сердца помягче окажутся? Зря думаешь. Плоть они от плоти.

– А что же? – всхлипнула Таурмай. – Значит, никак? Ни человеческой хитростью, ни колдовским искусством?

Я надолго замолчала. Здесь, по учению наставника Гирхана, и нужна была длительная пауза, да только не потому я, уставясь в пол, не разжимала губ. Думала. Гиуртизи... старая жаба, ядовитая. Давно я о нём слыхала. Как же подобраться-то? Непростое дело, ох, непростое.

– Я не сказала тебе, что никак. Думать буду. Завтра приходи, тоже после заката. Тогда уж и скажу, берусь или нет. Если возьмусь, то не деньгами с тебя стребую. Окажешь мне услугу... когда время придёт. А сейчас ступай. Да дочери ни слова, куда бегала. Рано ей про такие дела знать.

Проводив Таурмай, пошла я книги свои посмотреть. Запалила несколько факелов, глаза-то уже не такие ловкие... Уж и тьма небо заволокла, и звёзды в нём прорезались, а я всё прикидывала, как бы оно ловчее повернуть. Есть зацепочка, есть, да только удастся ли мне за тонкую ниточку вытянуть эту жирную, тяжёлую рыбу?

Времени немного оставалось, луна взойдёт после второй стражи, а у меня и тут ещё дела.

Проведала я больного своего. Господин Алан не спал – приподнявшись на локте, смотрел вдаль и беззвучно бормотал что-то. Мальчишка его сидел рядом, отмытый, в новенькой синей повязке – это я с утра расщедрилась, уж больно тряпка его прежняя провоняла, да и вши... ну и спалила я её на заднем дворе.

– Что, получше тебе? – мне и так было видно, что получше, цвет лица изменился. Хотя свет факела обманчив. – Раб твой не забыл тебя покормить?

Алан замер на миг, потом повернулся ко мне.

– Что ты, тётушка, Гармай – парень серьёзный, он ничего не забывает.

Мальчишка промолчал – ну, это правильно, когда господин говорит, рабу рот разевать не след. Но глазами зыркнул – мол, как ты, старая карга, могла подумать? Как в твою седую башку такая чушь вползла?

Да уж, чувствуется, серьёзный парень.

– Слушай, тётушка Саумари, – добавил Алан, – ты уж прости, но я слышал твой разговор с этой бедной женщиной, Таурмай. Ты пообещала ей... Как ты думаешь ей помочь?

– А она, небось, колдовать будет, – не удержался таки Гармай. – Наколдует ростовщику, чтоб у него на лбу вырос... – тут он и брякнул, чему именно следовало вырасти.

Пришлось мне мальчишку подзатыльником одарить. Ишь, какой наглый молодняк у нас завёлся. Да и раб к тому же.

– Пасть захлопни, а после у бочки её вымой, песком хорошенько отдрай, понял? – велела я.

– Вот именно, Гармай. Совсем, что ли, мозгов нет? Нехорошо же... такие слова, тем более при женщине, – смутился господин Алан.

Да уж, чувствуется крепкая рука и умение держать слуг в кулаке... И как только этот мальчишка до сих пор не ограбил и не зарезал своего блаженного хозяина?

Где живёт ростовщик, я прекрасно знала, хотя до сей поры мне не случалось сюда ходить. Большой дом, о двух этажах. Красивый, как в столице государевой – мраморные колонны, лепные фигуры крылатых змеев, заострённая крыша, изгибающаяся четырьмя рогами.

Двери, ясное дело, заперты изнутри на крепкие засовы, да и сторожа там наверняка есть. Окна первого этажа бронзовыми ставнями закрыты, а на втором – затейливыми решётками. Вон как в свете восходящей луны поблескивают. Видать, каждый день особый слуга тряпочкой полирует.

И как же должна поступить порядочная ведьма? Наверное, верхом на каком-нибудь воздушном духе... Или заклинаниями отворять запоры... Да только к этим бы заклинаниям ещё железную проволочку, согнутую под верным углом. Показывал мне однажды наставник, да не переняла я сию науку. Куда мне до порядочной ведьмы... Но и не стучаться же в двери? Весь дом переполошить? Нет, не нужно мне такого удовольствия. Мне бы с господином Гиуртизи наедине перемолвиться.

Но коли невозможно мне внутрь попасть, значит, сюда надо его выманить. Пригласить поганца на беседу.

Махнула я рукавом, выскользнул оттуда верный мой ящерок. Умён Гхири, а только сейчас от него требуется особое.

Письмо-то я ещё дома заготовила. Углём на дощечке нацарапала: «Выйди из дома сейчас. Один. Наузими. Тенгарай. Арибу». Сильные имена, должны подействовать... Только бы не ошибся Гхири, только бы он не наткнулся на кого другого.

И где же спит ростовщик? Не на первом этаже, ясное дело. Там духота, там контора, хозяйственные комнаты, людская. Но вверху ведь и жена его, и сыновья. С женой-то он уже пятый год не спит, не мила ему стала Киаминни. В отдельной светёлке он почивать изволит. Ага... Что ещё у меня было записано? Комаров он страсть как боится, посему окно на ночь завешивает тончайшей сеточкой из конского волоса. И воздух сеточка пропускает, и кровососам от ворот поворот. И где же тут у нас нужное окошко?

Луна мне помогла – поднимаясь над горизонтом, она заливала дом жёлтыми своими волнами, и видно было хоть и не как днём, а всё же близко к тому. Вот оно, сбоку-то, окошко с сеточкой. Снизу кажется, будто шкуру мохнатого зверя ветерок колышет, в лунном свете легчайшие дуновения по шкуре этой пробегают.

– Вон туда, Гхири, – я взяла ящерка на руки и развернула его головку в сторону окна. – Быстренько. И гляди, не больно кусай-то, нечего крик на весь дом поднимать. Так, легонечко... Чтобы сон прогнать.

Умный у меня Гхири. Все слова понимает. Выскользнул из рук, ручейком влился между кольев изгороди, невидимо промелькнул по земле – и вот уже ползёт по стене, цепляясь

крошечными коготками за неровности камня. Я и до пяти дюжин досчитать не успела, как он уже добрался до ростовщичьего окошка, прогрыз в комариной сеточке дырку и исчез во тьме. С моим посланием на шее. То-то сейчас будет радости господину Гиуртизи...

Мне оставалось только ждать.

– Ты? – удивился ростовщик. В лунном свете было видно, как на коже его выступили мурашки, хотя и в льняное покрывало он обернулся, и ночь тёплая стояла.

– Я, Гиуртизи, я, – голос пришлось сделать подобно ирвуйской флейте, на которой в южных землях змеям играют.

– Что надо?

Сразу видно делового человека, времени зря не тратит. Ни к богам о милости воззвать, ни о здоровье моём осведомиться... Или же послание моё слишком сильношибануло по мозгам.

Тёмной стружкой скользнул по камням мостовой Гхири, забрался мне на плечо. Погладила я плоскую головку – молодец, справился.

– Плохи твои дела, ростовщик, – слова из моих губ сочлились не то мёдом, не то ядом. – Звёзды твоей судьбы разошлись, и предстоят тебе страшные испытания. Сам посуди, что скажет наместник Арибу, когда узнает, где и с кем сейчас Наузими, твой любимый сынок... ну, какая разница, что не от богами данной жены, а от северной рабыни? Ничего, со всеми бывает... Но не со всеми ведь бывает, что становятся они правой рукой ночного удалца Тенгарая? Как ты помнишь, наверное, ещё в прошлом году государь наш Уицмирл, да будут милосердны к нему боги Внутреннего Дома, повелел изловить душегуба Тенгарая со всей его шайкой. Глашатаи на площадях орали... И наместник даже рассылал стражников по окрестностям Огхойи... только ничего из этого не вышло, растворились молодцы в ночи, будто предупредил кто...

– Откуда знаешь, ведьма? – взгляд, которым одарил меня Гиуртизи, многого стоил. Всё обещалось мне в этом взгляде – и медленный огонь, и котёл с кипящим маслом, и крысиная яма...

– Потому я и ведьма, что ведаю о делах близких и дальних. И духи мне рассказывают, и птицы, и звёзды... Сегодня спрашивала я Ингрию, духа восточного ветра... Не о тебе, ростовщик, другое спрашивала, для других людей... больших людей, знатных... Но многое открыл мне Ингрия – видать, по нраву ему пришлось моё приношение... любит он, когда жгут растёртые в пыль детские косточки...

Было удивительно тихо, даже ночные птицы молчали – так бывает незадолго до рассвета. И цикады притомились, видать. Только суетливое дыхание ростовщика да слабый шелест листвы нарушали лунное безмолвие.

– Так вот, – выдержав жестокую паузу, продолжила я, – попутно выяснилось, что Тенгарай давно уже болен, и всеми делами распоряжается у него молодец Наузими, две дюжины годов ему, лицом светел, волосами тёмн. Большой мастер засады на дорогах устраивать, купцов резать... Но не всех купцов он режет, не всех... Кто в доле со славным ростовщиком Гиуртизи, или кто должен ему, тех пропускает беспрепятственно. А всё почему? Отца Наузими любит да почитает. Добрый у него отец, заботливый. Когда шесть лет назад попался его сынок на разбое, много заплатил отец начальнику городской стражи... и не разбоем это дело оказалось, а всего лишь дракой двух свободных людей. Получил Наузими для порядка дюжину плетей, да и был отпущен восвояси... а отец отправил сынка в западные провинции, пересидеть, пока забудется. Только не добрался Наузими до западных провинций, повстречал лихих молодцов и зажил интересной жизнью. Но об отце не забывал, держал связь, через одного старичка, мелким ремеслом пробавающимся... Отец сыну исправно посылал денежки, а сын отцу – драгоценные вещицы. И долго бы так продлилось, да оплошали

молодцы Тенгарая. Ограбили небольшой караван, а караваном тем не пень с горы, а матушка седьмой государевой наложницы, Игги-Холлы, странствовала. На поклонение Гоумадии, богине доброго здоровья, направлялась. Жалко бедную старушку, да? Государь вон тоже пожалел, строжайшие указы о поимке злодеев разослал. Три дня назад такой указ получил и наместник Арибу... Зубами землю грызть будет, за любую зацепочку ухватится... тут уж ни на приянтельство никакое не посмотрят, ни на малую долю, исправно заносимую... Вот и думай, ростовщик, думай...

Видать, мелькнула у него мыслишка. Пусто кругом, я одна, а мужчина он хоть и пожилой, но крепкий. Задушить старушку – и всего делов. Поди потом разбери, какие такие изверги по ночным улицам бродят, в то время как почтенные ростовщики спят себе сладким сном...

Только вот неглуп Гиуртизи, не сердце его направляет, а холодный ум. Понял, тут же понял, что не просто старушка перед ним, о чём не надо прослышавшая, а ведьма. И уж с ведьмой ему нипочём не справиться. А коли бы и справился – ведьмы на то и ведьмы, чтобы врагов своих даже и с Нижних Полей достать. О том сколько сказок сложено...

– Чего ты хочешь, старуха?

Тусклый у него был голос, унылый. Заранее, наверное, убытки прикинул.

– Ну, ежели бы хотела я полюбоваться, как вы с сынком на базарной площади друг напротив друга на кольях елозите, то уж всяко бы не пришла к тебе. Но и про жалость да милость тоже врать не стану. Ты человек дела, ты меня поймёшь. Есть у меня свой интерес, дабы никто и никогда не узнал о болтовне духа Ингрийи.

– Сколько хочешь? – выплеснулось из него заветное.

– Деньгами не возьму, – добавила я в голос строгости. – Натурой возьму. Долговые расписки жителей Огхойи. За этот и за прошлый годы.

– Да это же... – захлебнулся он, – это же безумные деньги!

– Предпочитаешь, чтобы те же безумные деньги я забрала звонкой монетой? Я назвала свою цену и от неё не отступлю. Если сегодня до полудня не получу от тебя расписок, до господина наместника доберутся интересные вести.

Он замолчал, что-то вновь прикидывая.

– А гарантии? Как знать, может, ты и получив расписки, побежишь к Арибу?

Я смерила его взглядом.

– Не пытайся дурачка из себя строить. Сам суди. Во-первых, общая сумма по распискам куда как больше, чем обещанное государем вознаграждение за голову Тенгарая и его подельников. Во-вторых, мне вообще не нужна монета – с твоих должников я не деньгами взыщу... иными услугами, в колдовстве потребными. В-третьих, ежели ты казнён будешь, то и цена твоим распискам – пыль дорожная. Сам знаешь, по закону имущество государевых преступников изымается в казну, и долговые обязательства туда же. И вздумай я предъявить такую расписку к оплате, то как объясню, откуда она у меня? В лучшем случае наместник всё себе заберёт... Понял? Так что нет мне резона тебя губить, коли расписками обзаведусь.

Он вздохнул. Кажется, поняло.

– Да, вот ещё что, – продолжила я. – Не пытайся меня надуть. Не пытайся утаить кое-какие расписки. Обязательно поспрошаю духов, не хитришь ли ты. И людей поспрошаю, кто тебе должен. Запиши себе на лысине – или мы честно играем, или не играем вообще.

Я рассмеялась сухим, дробным смешком – точно горошины по каменному полу рассыпали. Взмахнула рукой – и исчезла. Ошарашенный Гиуртизи мотал головой туда-сюда. На его глазах я точно в воздухе растворилась. «Ведьма!» – с ненавистью выдохнул он.

Трюк на самом деле простейший, хотя и ему сперва поучиться надо. Делаешь движение, так, чтобы повернулся человек – и в глаза ему солнце попало. Ну или луна, ежели по

ночной поре. А ты быстро-быстро в тень – и замрёшь, дыхание удержишь. Вот и кажется ему, будто языком тебя слизнуло. Особенно если у него и так душа не на месте.

Я выждала, пока расстроенный Гиуртизи не скроется в узенькой калитке своего сада, потом ещё для верности сосчитала до восьми дюжин – и мы с моим ящерком домой отправились. Хоть одну стражу до восхода поспать.

Удачно получилось, я даже и не думала, как гладко всё пройдёт. Видать, умнее он, Гиуртизи, чем мне раньше казалось. Не стал ругаться, не стал сторожевых рабов своих кликать. С ходу всё понял, сообразил, что лучше расстаться с частью, чем со всем. А раз умный – значит, отомстит. Надо будет прикинуть, с какой же стороны это ему сподручнее... Только не сейчас. Завтра... То есть сегодня уже... Усталость меня выворачивает, как тряпку половую. Насколько ж легче настоящей ведьме... если такие, конечно, и впрямь водятся... А тут тебе не заклинания, не дух какой-нибудь Ингрийя...

Просто мозгами как следует пораскинуть и записи многолетние один к одному свести... О том, как Наузими спровадили из города, все и так знают, это можно было и не записывать. Что в шайке Тенгарая некто с именем Наузими разбойничает, мне в прошлом году рассказал заезжий купец, чудом от лихих молодцов спасшийся... товар потерял, конечно. Судя по описанию, наш Наузими, родной. Примета опять же, половинки мизинца на левой руке нет. В детстве не уследили, крыса отхватила... А что ростовщик кому-то узелки с деньгами пересылает, от одной из рабынь его известно, с ней ещё рябой Преумиги спит, с улицы Медников. Не с обычными своими слугами Гиуртизи посылает, а старичка Мицлиу использует, должника своего. Старичок же сей у меня от зубной боли лечился. И обмолвился, что поскорее ему надо, что у него на закате с Иггирхаем встреча в кабаке. А зачем непьющему старику встречаться с молодым охальником и, кстати, ближайшим дружкой Наузими? Вместе плети получали, за одно и то же дело... Что сынок папаше ценности на продажу передаёт, я и сама догадалась. Не побрякушки ведь ему нужны, а монета. Ювелиры же разбойному человеку не дадут настоящей цены. А тут – своя кровь, надёжная... О матушке государевой наложницы я от верной моей вдовы Балгуи слыхала, той на базаре молодуха Иургах сболтнула, жена писца из наместниковой канцелярии...

В общем, каждый знал свой кусочек правды, и только в моих книгах эти кусочки собрались вместе. Да и то – пришлось собирать из них картину, как искусный художник из цветных камушков складывает мозаику.

Ну да ничего, я в своём деле и сама подстать художнику буду.

Глава четвертая

Только я, затворившись на засов, собралась записать в книгу ночной разговор с Гиур-тизи, как раздался вопль мальчишки:

– Тётушка, тут тебя спрашивают!

Злая, невыспавшаяся, вышла я на двор. Ломило виски и плясали перед глазами радужные мухи. Конечно, следовало спокойно подышать, делая медленные движения «засыпающей кошки». Но что-то разленилась я последнее время. Наставник бы меня сурово отчитал... «Твоё здоровье, ведьма – это инструмент... за коим надлежит тщательно ухаживать».

Стояло там, на дворе, двое незнакомых мне парней, одеты бедно, но чисто. Лица дочерна солнцем обожжённые, глаза не поймёшь какие – мутные.

– Вот, госпожа Саумари, это тебе!

И протягивают кожаный мешок. Увесистый, однако. Не иначе как от ростовщика явились.

– Ждите! – велела и с мешком в комнаты убрела. Снова дверь на засов закрыла, встряхнула, что было в мешке.

Расписки. Нацарапаны острым резцом на дощечках меннарского дерева, чернеет морским спрутом печать городской канцелярии... Быстро перебрала я кучу, разложила всё по срокам – и нашла расписку вдовы Таурмай. Что ж, вроде как соблюл ростовщик договор. Может, и не доложил чего, но это вряд ли – напугала я его изрядно духами своими любознательными.

Вышла обратно, к парням.

– Расписочку бы, госпожа Саумари, – просят. – Что приняли сами знаете что в целости и обид никаких не имеете.

И бумагу пальмовую суют, наилучшую. Пузырёк с чернилами, по виду заморскими, перо павлинье...

Всё понятно с ростовщиком. Ошейничек старушке подготовил. Неужто совсем дурой меня посчитал, словно я законов государевых не ведаю?

– Неграмотна, добры молодцы, – грозно сообщила я. – Ступайте отсюда. И хозяину своему передайте, что слово ведьмы подороже стоит, чем всё его богатство. Ну, чего глазете? В лягушек вас, что ли, превратить?

В лягушек они не хотели, тут же убрались со двора. Оглядывались то и дело, не скажу ли вслед сильное слово...

Вот так и начался день. И пошло-поехало. Сперва старый Хайгаркан притащился, боли у него, понимаешь, в спине. Потом купчиха одна пришла, на окраине скобяную лавку держит. Погадать ей надо позарез... но заплатила неплохо. А после от кожевенников примчались, молодуха там рожает, ну как тут без тётушки?

Солнце уже за полдень перевалило, когда я домой пришла. Не то слово пришла, приплелась я едва живая. Двойня там оказалась, и ужас до чего трудная...

Пришла – и глазам своим не поверила. Постоялец мой, господин Алан, на воздух сумел выползти. С помощью Гармая, понятно. Но ведь вчера ещё пластом лежал, еле приподнимался, а тут экая прыть... Мальчишка ему чурбачок с заднего двора притащил, так вот, сидит он на чурбачке и речь держит. А перед ним старик Иггуси, на землю уселся да слушает. Мальчишка, конечно, рядом с господином вьётся, аж рот раскрыл.

– Вот смотри, дедушка, жил некогда богатый человек, и был у него любимый сын. Рос он красивым и умным, но уж больно шепутным был. Целыми днями с дурными мальчишками по улице гонял.

– Известное дело, – заметил старик. – По юности-то ветер в голове, а после отрок войдёт возраст, остепенится...

– Но тут иначе вышло, – сказал Алан. – Когда мальчику дюжина исполнилось, свёл он дружбу с ушлыми людьми. Те его и подбили из отцовского дома сбежать, за море, в дальние страны. Приключения ему всякие посулили, сокровища...

– Приключения, вишь... – Иггуси хмыкнул. Усомнился, видать. Да и я усомнилась. В таких сказках всегда дорожка гладко стелется, да в беду приводит.

– Конечно, приключения, – подтвердил Алан. – Как он с ними пошёл, тут же приключения и начались. Посадили дурачка на корабль, а как подальше от тех земель оказались, связали его – и в трюм. Продали в первом же порту. Несладко мальчишке пришлось, переходил он от одного хозяина к другому, но как подрос он, сумел сбежать. Думал домой вернуться, да где он, тот дом? Даже в какой стороне искать, и то не знал.

– С голоду очурился, или поймали беглеца? – Видно было, что ни то, ни другое старика не устраивает, но ведь это самое вероятное. Забыл старик, что это всего лишь сказка.

– Представь себе, дедушка, нет. Скитался он, бедствовал, но добрался всё же до дальней страны, где повезло ему. Нашлись добрые люди, обогрели бродягу да и к делу приставили. Дюжина лет после того прошла, и обзавёлся домом, торговлю развернул, друзей у него было полно, с богатым-то всяк дружить хочет.

– Чем же торговал? – поинтересовался Иггуси. – Уж вряд ли горшками, на горшках-то особо не разживёшься, знаю... только если какого искусного художника найти, чтобы он их занятыми картинками расписывал... да только редко такого встретишь, да он, небось, и цену задерёт...

– Нет, не горшками, – возразил Алан. Задумался о чём-то на миг, затем продолжил: – Тканями он торговал дорогими, у него знатные люди отоваривались. Он с ними-то, со знатными, с начальниками той страны, через те ткани дружбу завёл, делал им подарки дорогие и за то имел их милость.

Алан медленно говорил, то ли нутро болело, когда воздух от живота к языку шёл, то ли просто слова подбирал, будто на ходу сочиняя.

– И что ж дальше с ним было? – подал голос старик Иггуси. – Счастье-то – штука непостоянная. По себе знаю.

– Именно так, дедушка. Дальше кончилось его счастье и несчастье началось. Послал он несколько кораблей с товаром, и поглотила их бездна морская. А товару-то он накупил на все деньги свои, думал прибыль тройную взять. Да мало что на свои – занял он денег у других купцов, под залог дома, под обещание прибылей будущих.

– Под какую долю его ссудили? – практичный старик интересовался подробностями. – У нас меньше десятой доли не берут.

– Про то в точности не знаю, дедушка. Наверное, немалая была доля, раз уж такие большие деньги человек занял. Но вот пришла весть, что всё его добро погибло, и должен он всем сразу. Тотчас отвернулись от него бывшие друзья, и кинулся он тогда к знатым людям – покровители мои высокие, отцы мои, в беде я, вызволите, не то и меня, и жену с детьми малыми на рынке продадут. Ссудите деньгами, я торговлю разверну, подымусь снова, вдвойне отдам.

– Ссудили? – тут же поинтересовался любопытный Гармай.

– Посмеялись над ним знатные и слугам велели выгнать беднягу палками. Деньги-то немалые просит, а отдаст ли? Да и если отдаст, то очень уж нескоро.

– Понятное дело, – Иггуси почесал седую бороду. – Неразумно было бы ему помогать. Всё, коли беда случилась, так и пропал человек. Если боги от него отвернулись, значит, обозлился он их чем-то. Так и не стоит с ним водиться, ещё подцепишь от него горе, как болячку какую заразную... Что дальше-то было?

– А дальше, – Алан откашлялся, – пошёл он, плача, в дом свой. Сидит на пороге, лицо от горя сажей намазал, по древнему обычаю, и слёзы белыми дорожками по саже-то стекают. И тут зовёт его кто-то. Поднял голову – а перед ним нищий старик, плащ запылён да изорван, ноги босые, в язвах, седые волосы спутаны. И просит старик его в дом принять, измучился он в дальнем пути.

– И что же? – поднял брови Иггуси. – Прогнал он бродягу? Ведь с одной стороны глянуть, гостя уважить полагается, так издревле заведено. А с другой – не до гостей, когда беды такие... Но я бы всё ж принял. У нас, знаешь, говорят: коль отрезали тебе голову, не плачь по зубам выбитым...

– Вот и он принял его в дом, – ответил Алан. – Накормил, язвы на ногах его тёплой водой обмыл и маслом смазал, из остатков. Плащ ему дал свой, взамен рваного. Ибо так он внутри себя рассудил: завтра будут торги, и будет мне горше, чем старичку этому, так уж последний свой день свободный проведу не как бывший купец, не как будущий раб, а милость сотворю тому, кто ничем добрым мне не оплатит.

– А старик оказался волхвом бродячим? – догадался горшечник. – Сотворил он ему из глины золота? Такие сказки мне слышать доводилось.

– Нет, – огорчил его Алан. – Оказался старик обычным нищим. Никаких чудес не сотворил. Просто рассказал ему злосчастный купец про свою беду, и всю жизнь свою вспомнил, с младенческих лет. Как жил он в любви и заботе у отца своего, как поверил лстивым речам проходимцев... И такая тоска его взяла... Не о том даже тоска, что завтра с верёвкой на шее пойдёт на торги, а об отце своём. Поглядел он на нищего старика – и отца представил. Ведь в тех же примерно годах его отец. Пускай и не голодает он, и не ходит в рваньё, а болит у него душа по сыну пропавшему. Сидит отец в доме своём богатым и плачет. Так ясно купец это себе представил, будто глазами увидел. Свело ему сердце от любви к отцу, от жалости. И пал он на лицо своё, залился слезами покаяния. Всё бы отдал, чтобы хоть разок ещё отца увидеть, да где он и где отец? В дальних землях, про которые там никто и не слышал.

– А что же нищий? – не унимался Иггуси.

– А что нищий? – махнул рукой Алан. – Ещё до восхода собрался он да и пошёл путём своим. А купец сидел на крыльце, взглядом его провожая.

– А дальше? – встрял мальчишка Гармай.

– А дальше вошло солнце, – отвечал Алан, – и пришли за бывшим купцом и семьёй его, дабы на торги свести. И тут вдруг шум раздался, крики. И тотчас появились на улице навьюченные лошади, и богато одетые слуги, и охрана караванная, при копьях да саблях. А во главе каравана – старец, одетый знатно, и точно свет от него исходит. Пали заимодавцы перед ним ниц, честь воздавая. Он же сказал: не простирайте руки на этот дом, я заплачу вам, сколько следует... И тут и несчастный купец пал навзничь, ибо наконец узнал он старца. Отец это его оказался. После выяснилось, что с того самого дня, как лихие люди сманили сына, искал он его всюду, по всем концам земли рассылал людей, и только через много лет добралась до него весть. Тут же собрался он, и во всей силе своей пошёл за сыном.

– Что было потом? – Гармай аж раскраснелся, так пальцы крепко сплёл, что даже побелели они.

– Потом забрал он сына своего со всей семьёй в страну свою, в дом, из которого давным-давно тот ушёл.

– История за душу берёт, – заметил горшечник, – но ведь ты, чужеземец, не просто так её рассказал, верно?

– Конечно, – кивнул Алан. – Тут образ нашего падения и нашего спасения. Сын, по младости разбойниками украденный – это весь род человеческий, поверивший духу зла. А отец, любящий и спасающий – это Бог Истинный. Который не просто ждёт, когда опомнится сын и вернётся к нему, а Сам ищет его повсюду.

– А кто нищий старик? – уж дался горшечнику этот нищий...

– А старик – это посещение Божье. Смотри – проявил сын к нему милость, и умягчилось его собственное сердце, и вспомнил он про отца, и всею силой своей души захотел вернуться... Иначе и не в радость ему было бы возвращение... А знатные люди той страны, с кем сын дружил поначалу, а затем спастись кинулся и отцами называл – это тёмные духи, которых вы по невежеству называете богами. Но не хотят они спасти, да и не могут. Один лишь Истинный Бог...

Ну вот! Только этого и не хватало.

– Поговорили – и будет! – вмешалась я. – Рано тебе, господин болящий, из дома выползть да людей смущать. Ступай обратно, после поговорим. А ты, Иггуси, чего притащился?

– Да я... – побаивался меня старик, до сих пор побаивался, хотя сколько уж лет знает. – Я насчёт тех капель, что ты, тётушка, мне для глаз давала. Кончились они, мне бы опять...

– Будешь всякую чушь о чужих богах слушать, не понадобятся тебе капли глазные. Господин наместник Арибу не больно-то смутьянов любит. И жрецы... Как бы не оказаться тебе на колу или в яме. Совсем от старости ум потерял? Не видишь разве – человек не в себе, разумом помутился. Били его сильно, вот мозги и повредили. Опасные глупости из него льются, так что подальше держись. И не болтай о нём, понял? Жди тут, сготовлю я тебе капли сейчас. Завтра трёх куриц принесёшь.

– Я тебе что велела? – меня душила ярость вперемежку с каким-то странным чувством. Не то жалость, не то грусть – как если снится хороший какой-то сон, и просыпаешься, а он в тебе тает, и вот уж ничего не осталось, кроме тоски по несбывшемуся.

– Ну извини, тётушка Саумари, я ж не нарочно, – виновато улыбнулся Алан, и тут даже дурак понял бы, что виноватость свою он изображает. – Подошёл человек, сам со мной заговорил. Ну и слово за слово...

И что тут делать? Не гнать же в самом деле из дома, больного-то. Вон повязки сбились, новые сейчас надо наложить. Ох, дура я была, что согласилась такого опасного в дом взять. А как не взять, если страдает человек? Стыдно не взять. До сих пор помню ту девчушку, в кровь избитую... ну распутница, ну висит на ней молва как тяжкая колодка... а всё равно душа живая, больно ей было, страшно... уж наверняка страшнее, чем мне, не желавшей перед соседями осрамиться... Куда она из города ушла? Где обретается... или где кости её гниют... Уж три года как оно тянется, думала, забуду... нет, ворочается внутри...

– Чтобы больше не смел о боге своём никому рассказывать! – велела я. – А то и вправду выставлю. Видать, и впрямь тебе слишком по мозгам досталось. Это ж надо такую чушь выдумать, что Бог нищим вырядился, да ради кого – сына непокорного, которого полагается палками...

Тут я запнулась. Ведь и наши боги нет-нет да и принимали человеческий облик. Хозяин Молний такой уловкой скольких девушек перепортил... Видит дурёха статного красавца с бледной кожей – ну и млеет. Потом, конечно, не позавидуешь. Или та же Ночная Госпожа – любит она в образе старухи-нищенки по белу свету шастать. Всё вынюхивает, всё высматривает...

– Я тебе больше того скажу, – возразил Алан. – Он не просто вырядился, Он и впрямь стал человеком. Не притворился, не чары навёл, а по-настоящему, от земной матери родился. Самое настоящее у Него было тело, и знакомы Ему были и голод, и жажда, и боль, и душевные терзания...

– И где ж то случилось? – хмыкнула я. Глупо, но занятно. Ничего подобного мне слышать не доводилось.

– Там, откуда я родом, – усмехнулся Алан. – В очень далёкой земле... Давно это у нас случилось. Во все концы земли от этом весть пошла, да вы на отшибе... за огромным океаном... вот только сейчас и до вас добралась.

Похоже, он не врал, он и в самом деле верил в свои слова. Я, конечно, не ведьма, а обманщица, с духами не знаюсь да и не шибко в них верю, но вот умею чувствовать, когда говорят искренно. Что ж, значит, и в самом деле повредился умом. Жалко. Человек-то, по всему видать, хороший, добрый... такой бы наставнику понравился. Может, наставник Гирхан и сумел бы исцелить его разум, а мне то не по силам. Так... нахваталась кое-чего.

– Ну и что же, стал он, твой бог, человеком... Богом, значит, быть перестал. Тогда о чём же ты вообще толкуешь? Был бог, стал человек, а человек рано или поздно умирает. Много лет, говоришь, прошло?

Алан взглянул на меня виновато.

– Трудно мне, тётушка. Трудно сразу всё объяснить... Тут говорить надо много, слова подходящие искать. На каждый мой ответ у тебя дюжина вопросов наберётся... Да, Он стал человеком, но не перестал быть Богом. Как человек Он страдал, жаждал, томился духом, а как Бог был превыше человеческой немощи. А потом Его убили... жестоко казнили, и как человек Он умер. Но Он ведь не только человек, но и Бог. И поэтому через три дня Он воскрес, ожил. Он собой победил смерть. Каждого, кто Ему верен, Он воскресит, и воскресшие люди будут с Ним вечно, в небесных садах...

И понеслось... Не прерывала я его, сперва чтобы понять, насколько и в какую сторону ум его попортился, а затем уж и самой мне занятно стало. Впрочем, этак и заразиться можно, наставник предупреждал: безумие может и на другого перекинуться.

– Вот что, – решительно заявила я, – глупостей и несуразностей ты тут немало наговорил. Беда в том, что найдутся те, кто поверит. Да ведь и нашлись уже, недаром молва о безумной вере вашей вперед тебя до Огхойи доползла.

Я пожевала губами и добавила:

– В одном ты прав. Жестоки наши боги и равнодушны, невозможно их любить... да и верить им надо с опаской. А любить да верить хочется, защиты хочется... Вот и пойдут люди за тобой, пойдут за глупой сказкой. И угодят на колья, на плаху да в смертные ямы. Говорила же тебе, не одобряет наш государь новых верований. Поэтому держи рот на замке. Сам в это веришь, ну и молчи, не губи людей. Что тебе неймётся-то?

– Нет уж, молчать я не буду, тётушка, – тихо произнёс Алан. – Я ведь специально пришёл... в ваши края. Жалко мне вас... Хорошие ведь люди... но гибнете... А то, чем грозила ты... За вечную радость быть с Ним не страшно и на муки пойти...

– За других-то не решай, бестолочь! Тебе, может, и не страшно, а каково людям будет? Они ж как дети, люди-то, сердцем загораются, а о последствиях не думают. А потом уж поздно плакать, суровы законы государевы.

– Не понимаешь ты меня, тётушка, – вздохнул Алан. – Ну ладно... Если прогонишь, я не обижусь, дальше пойду...

– Хватит болтовни, – оборвала я его. – Лучше ранами твоими займёмся. Где там твой ленивый мальчишка? Эй, Гармай! Тёплую воду, живо!

Не судьба мне сегодня была над книгой посидеть. Как взбесились все! Едва с Аланом закончила, являются от швейников. Там у Хаурилли малой ногу сломал. Тоже провозилась изрядно, шепутной парнишка попался, в голос кричит, и никак боль ему не унять. Уж я и кольцо золотое на нитке перед ним качала, и голосом «ночной лисы» пела ему заговорку, а всё без толку. Пришлось поить отваром сииль-травы, а нехорошо это, шести лет ему ещё не стукнуло, трава боль утянет, а желудку сильно повредить может. Ну, потянула ножку-то, лубки наложила, обмотала... домой пошла, отдохнуть. Где там! Селяне дожидаются, хорошо

хоть из ближнего села, неподалёку от городской стены. Домовой у них, понимаешь, проказит, коров портит, поросят хвостами друг к другу вяжет... Уговори его, тётушка, два мешка пшеницы даём...

Не люблю я такие дела, по мне так лечить куда интереснее. А ехать пришлось. Не объяснять же, что это кто-то из них самих балуется, что нет никаких таких домовых духов... Камнями ведь прибьют, как вот Алана бедного.

Пришлось ехать, они и телегу за мной прислали, и мешки с зерном уже выгрузили. Главное дело, шустрый Гармай мешки у них принял и в кладовку уволок, будто так и надо.

Поглядела я двор этот, домовым разоряемый. Ничего двор, крепкий. Хозяин мужик пожилой, толковый. Велела всю семью созвать, там полторы дюжины набралось. И выгнала я всех из горницы и по одному зазывала, с каждым разговаривала. Да не о проделках домового, а о жизни. Кто с кем дружен, кто на что надеется, какой беды и от кого ждёт.

Уже к середине этой очереди начала я кое-что смекать. Но довела дело до конца, а после всем на двор идти велела.

Столпились они, я тоже вышла, посохом своим круг на земле обвела да закорючки всякие начертала. Считается, колдовские знаки.

– Это, – говорю, – Круг Истины. Кто в него войдёт, тот пока не выйдет, солгать не сможет. За каждое лживое слово духи Круга кишки ему крутить станут, жилы тянуть да кровь холодить. Могут и жизни лишить, бывали случаи... Сейчас каждый сюда входить будет да ответ держать, не его ли проделка. Ибо ясно мне, что не домовый дух тут виновен, а кто-то из вас шалит. Спросила я у сырой земли, духи тут грешат, али люди. Люди, говорит земля. Спросила я у студёной воды, духи тут грешат, али люди. Люди, говорит вода. Спросила я у ясного огня, духи тут грешат, али люди. Люди, говорит огонь.

Это, конечно, не просто так говорится, а особенным голосом, «змеиной песней». Не на всех действует, но на многих. Уж этим-то селянам сойдёт.

И стали они по очереди в круг заходить, на колени опускаться да отвечать мне. Каждого спрашивала: «Не ты ли согрешил? Ответствуй духам Круга!»

Сперва сам хозяин, потом хозяйка, старший сын, жена его... Все говорили «не я», поднимались и выходили.

Девятым младший сын хозяина зашёл, крепкий загорелый парнишка лет пятнадцати. Встал на колени – а я вижу, дрожит, губы у него дёргаются. Только собрался было затянуть «не я» – а перекосило его, скрючило, и как заорёт он дурным голосом: «Я! Я! Моя вина!»

– Духи Круга, – говорю нараспев, – не мучьте боле дурака. Признался он. А теперь, – поворачиваюсь к нему, – отвечай, зачем баловал?

Ответил он, давась слезами от стыда и страха. Дело понятное – на отца в обиде был, отомстить хотел. Жениться надумал, да не пускал его отец – и семья у девицы бедная, и сам ещё маловат...

– Вот вам и правда, люди добрые, – сказала я, стирая посохом «колдовские знаки». – Не спешите на духов кивать, сперва промеж себя разберитесь.

Хозяин побагровел весь, глаза вылупились, я уж боялась, удар его хватит. Но ничего, сдержал себя. Велел младшему – мол, в дом ступай да меня дожидайся.

На миг жалость во мне взметнулась, чуть было не попросила я старика пожалеть сына, но подавила глупый бабий порыв. Заслужил паршивец строгого наказания.

А как довели меня обратно, к дому, солнце уже закатилось, воздух прозрачнее стал, тени сизые повсюду протянулись.

На дворе тёмная фигура стоит. Подошла я ближе – так и есть, Таурмай. Глаза от слёз опухшие, плечи трясутся. Давно, по всему видать, ждёт.

– Ну чего ревёшь-то, дуручка? – взяла я её за руку. – Пойдём.

Отвела бедную женщину в дом, посадила на кухне, возле очага, похлёбки бобовой ей миску пододвинула. Потом вышла ненадолго и вернулась.

– Вот, глянь, Таурмай, узнаёшь?

И протягиваю расписку.

Побледнела она, руки затряслись. Ещё бы ей не узнать.

– Была дрянь, – сказала я, взяла дощечку, швырнула в пламя очага. – И нет боле дряни. Страшного я духа на ростовщика напустила. Ингрийя зовётся, восточным ветром ведаёт... Ты обо всём этом молчи, не то, глядишь, Ингрийя и на тебя перекинется... Дочке скажешь, мол, совесть у господина Гиуртизи проснулась, простил он вам долг...

Насилу я её успокоила. Рыдала вдова, всё мне ноги порывалась целовать. Выставила я её из дома, а на пороге сказала:

– Что ж до платы, то я даром ничего не делаю. Возьму плату, но не сейчас... И не деньгами возьму. Когда срок придёт, вызову тебя и объявлю, что мне нужно. То и сделаешь. А ныне ступай.

Проводив её, повалилась я на циновку. Даже есть не было сил. Ни на что уже сил не было. Может, помирать пора? И так уж лишнее зажила...

Впрочем, успеется. Сперва постояльца проведать надо. Как его раны? Заживают-то быстро, но наставник Гирхан учил, что тут расслабляться нельзя. Кажется, будто затянулась рана, а под коростой она гноится может.

С трудом дотащила я до его комнаты, откинула циновку, вошла. Факел горит, Алан с Гармаем напротив друг друга сидят, да нараспев тянут что-то. Ладно тянут, да только слова совсем мне незнакомые.

– Что, с богом своим разговариваете? – ухмыльнулась я.

– Разговариваем, тётушка, – кивнул Алан. – Хочешь попробовать?

Вскипело у меня всё внутри. Гость-то он гость, но такое сказать... в чужом доме... в моём доме... Вот и вырвалось из меня некстати:

– Последний раз я с богами две с половиной дюжины лет назад болтала. Наговорила по самую... – я едва удержала готовое выплеснуться бранное слово. – Просить их – это всё равно что солнышко мешком ловить. А кто сего не понимает, у того мозги перекошены. Не смей мне боле этого предлагать, понял?

И, конечно, поймал он меня на слове.

– Выходит, тётушка, ты и вашим местным богам не молишься?.

– А твоё какое дело?

– Никакое. Я просто спросил... что, нельзя было?

Мне вдруг стало всё равно. Полторы дюжины лет от всех таиться – это ж как нарыв в душе. Зреет, зреет – и прорвёт.

– Да, – сказала я. – Не молюсь я. Не верю в богов. Ни на вот столечко... И что теперь, к наместнику побежишь? Сам же первый на кол и сядешь, за бога своего чужеземного.

Тут он улыбнулся – и нехорошо мне сделалось от этой улыбки. Нет, никакого коварства в ней не было, обычная улыбка доброго человека. Только вот где-то я уже её видала. Когда-то давно... Дюжину лет назад? Две дюжины? Или чудится мне?

Внимательно я оглядела его лицо, будто впервые заметила. Сейчас он, конечно, мало походил на себя несколькими днями раньше – избитого, окровавленного, более смахивающего на расклёванный птицами труп, чем на человека. Был он отмыт, синяки его превратились в «желтяки» и уже не пугали своим видом, сломанное ребро, похоже, начало срастаться. Невероятно быстро, немыслимо. Травы у меня, конечно, сильные, но и с травами ему бы почти луну пластом лежать...

Высокий, худой, светлая кожа, от загара лишь слегка золотистая... И волосы прямые, тоже цвета спелой пшеницы. Ну ясное дело, северянин. Если, конечно, не врёт про свою дальнюю-дальнюю землю... И глаза – два серых озёрца, какие бывают в пустыне, только там они солёные до горечи. Нос, губы, скулы – всё какое-то непривычное, а в то же время – как будто и знакомое. Откуда ж он взялся на мою голову?

– Не волнуйся, тётушка Саумари, никому я не скажу, и Гармай, понятное дело, никому не скажет. Это ж таким гнусным грехом было бы...

Я и сама понимала, что не скажет. Не тот человек, не станет старуху на смерть выдавать. Тут ведь хоть и нет закона – испокон все в богов верят, – а только такую опасную безумицу и без закона камнями закидают. Чтоб богам приятно было...

– А как же так получилось, тётушка, что ты от богов своих отказалась?

А почему бы и не поведать ему? Конечно, мне и в дурном сне бы не пришло в голову рассказать кому-нибудь из нашего города, пускай даже людям преданным. Но тут... совсем чужой человек... и даже не то что чужой, тут иначе сказать надо. Нездешний он... Иной... Совсем иной.

И уже начиная говорить, поймала я взгляд Гармая – жадный, напряжённый и словно на что-то надеющийся...

Что-то изменилось в доме. Я почувствовала это не ушами, не глазами, а, наверное, кожей спины. То ли дуновение какое-то странное, то ли скрип, то ли шорох... Странно. Дверь входная на засов заложена, время-то позднее. Конечно, никто ко мне не полезет, какой дурак с ведьмой ссориться вздумает? Но привычка...

Я прервала рассказ на полуслове. Предостерегающе подняла палец – молчите все! Прислушалась, как учил меня наставник. Сперва сосредоточиться только на самых ближних звуках – собственном дыхании, звоне в ушах, жужжании мух... Потом протянуть внимание к звукам подальше, а затем и к самым дальним.

В доме определённо кто-то был. Кто-то шёл сюда, во внутренние комнаты, лёгкими быстрыми шагами. Вор? Справлюсь ли я с вором? Силы уже не те, да и вымоталась до предела...

Колыхнулась повешенная в дверном проёме тростниковая циновка, взметнулось рыжее пламя настенного факела – и на пороге явились двое.

Невысокие, на вид щуплые, в недорогих синих плащах из меннарского сукна. Один постарше, серебряные пряди проскальзывают в густых чёрных волосах, другой, горбоносый, на пару дюжин тянет, длинные волосы прихвачены бордовой лентой, а пальцы на руках шевелятся, извиваются, точно дождевые черви. У обоих тонкие, из кедра сработанные посохи. А глаза... Вроде и не отворачивают они лица, да не получается никак поймать взгляд.

И вяло от обоих опасностью.

– Здоровья вам, – начала я первой. – Люди вы, как я погляжу, добрые... вот и ответьте, добрые люди, что ищете в чужом доме, куда вас, сдаётся мне, никто не звал?

– Здоровья и тебе, госпожа Саумари, – неторопливо ответил старший. Голос его был тусклым, потёртым, как мелкая монета, прошедшая великую дюжину рук. Такой голос не вспомнишь и день спустя.

– Что скажете хорошего, гости ночные? Или беда какая вас ко мне привела?

– Ну, – едва заметно усмехнулся старший, – для того мы и навестили тебя, чтоб поговорить обо всём обстоятельно. А уж сколь хорошим тебе наш разговор покажется, о том судить не могу. Ты ведь ведьма, госпожа Саумари, не так ли?

– Я ремесла своего не таю, – мне было совершенно непонятно, кто они такие и как с ними держаться. Ни на кого не похожи. Ни стражники наместника, ни жрецы, ни разбойники... Да и как они вошли в запертый дом?

– Значит, ведьма, – кивнул мой незванный собеседник. – Лечишь, гадаешь, зелья составляешь, с духами говоришь, проклятья творишь... И давно ли так?

– Вот одного я понять не могу, – протянула я голосом «голодной крысы», – в кого вас, таких любопытных, превратить? В мокриц, в пауков, в лягушек?

И промазала.

– Ни в кого ты нас не превратишь, любезная, – ухмыльнулся старший. – Сноровки не хватит. Впрочем, попробуй, мешать не стану.

Ну и что мне было делать? К духу Ингрийе взывать, мною же и сочинённому? Изображать, будто порчу навожу? Так если в лягушку не побоялись, что им моя порча?

Было у меня, конечно, средство – только далеко оно, в подвале под камнем схоронено. А эти не выпустят. Ишь как стали, дверь загородили. Что невысокие они да худые, только подтверждало мои опасения. Самые лучшие бойцы – они же и самые незаметные.

Да если бы и домчалась я до подвала, если бы и вернулась сюда с непустыми руками... Если бы и выгнала обоих... уже через дюжинную долю вломились бы ко мне стражники... Средство-то моё – на самый крайний случай. А тут поди разбери, сколь он крайний. Странные люди, и веет от них недобрым. Самое главное – как в дом вошли?

– Не получается? – усмехнулся старший. – И не трудись боле, не получится. Заклятье на дом наложено, крепкое заклатье. Скована твоя сила моим словом, и не отомкну, пока не сочту нужным.

Ну, это уже что-то. Никак, волхвы?

– Так вот, госпожа Саумари, – продолжил он, – мы тебе не враги. Наоборот, тебе самой польза от нас будет. Ведомо ли тебе, ведьме, – в голосе его прозвучала смешинка, – что есть такое общество, Синяя Цепь?

Мне и удивление изображать не пришлось. Что ещё за цепь такая?

– Не знаю, о чём ты говоришь, добрый человек, – развела я руками. – Сделай милость, поясни.

Ужасно хотелось присесть на пол, ноги у меня ослабли, но садиться ни в коем случае не следовало. Сесть – значит, показать им, что я покорилась, что я ниже их. Да ещё в своём доме...

– Странно, что не знаешь, – хмыкнул обладатель синего плаща. – Неужто совсем с братьями не водишься? Ну да лучше позже, чем никогда. Знай, женщина, что в Высоком Доме ведьмы да колдуны, маги, волхвы и чародеи не просто так, не сами по себе живут, а входят в тайное сообщество. И с достатков своих платят установленную долю. Невеликая доля, дюжинная часть.

– И на что ж идут денежки? – я пыталась говорить как можно небрежнее, но в горле пересохло. Если правду говорит этот синий, – а не видно по нему, чтобы врал, – значит, полторы дюжины лет занималась я своим ведьминым делом, и никто из этой цепи обо мне не пронюхал. А я ведь от людей не таилась, толпами ко мне ходили, и местные, и издалёка. Выходит, что же? Не пронюхали обо мне? Слабенькое у них, выходит, общество? Не верится. Или давно уж ведома я им, но не напоминали они о себе? Отчего же?

– На помощь братьям нашим, в болезнях и бедствиях пребывающих, – тут же ответил посланец. – Доля некая храмам идёт, дабы не ссорили нас жрецы с государевыми богами. Равно как и в казну платится, для спокойствия и мира.

– А ты, госпожа Саумари, – подал голос младший, – уж сколько лет волшбой пробавляешься, а ни докко не заплатила в общество. Нехорошо. Не только ж о себе надо заботиться, но и о пользе общественной...

– Действительно, непорядок, – подтвердил старший. – Мы тут подсчитали, прикинули, сколько людей к тебе ходит, от чего лечишь, каких духов заклинаешь, и вышло...

– Остановись малость, – прервала я его. Не следовало мне покорно выслушивать, надлежало норов показать. – Сперва поясни, «мы» – это кто? Вы оба уже незнамо сколько торчите в моём доме, а так и не удосужились открыть свои имена.

Старший передёрнул плечами, словно какая-то мошка ползала у него между лопаток.

– Знать наши имена тебе ни к чему, – сухо ответил он, – а вот кто мы – изволь послушать. Я – начальствующий над учётной палатой южных звеньев Цепи, а это мой помощник и ученик. Оба мы имеем высокие посвящения, и не тебе, ведьме-самоучке, с нами тягаться. Ты уж не обижайся, но ведомо нам, что ни у кого из колдунов не проходила ты учения. Так вот, ближе к делу. Мы тут посчитали примерно твои доходы, умножили на полторы дюжины лет... В общем, великая дюжина докко с тебя, госпожа Саумари. Надо внести. Деньги крупные, понимаю, сразу могут и не найтись. И потому мы к тебе милость проявим. В течение трёх лет будешь выплачивать, по четыре дюжины докко в луну...

Я молчала.

Надо было что-то решать, и прямо сейчас. А что тут решишь? Денег таких безумных у меня в жизни не отыщется. А Синяя Цепь, по всему видать, шутить не любит. Уж не знаю, в самом ли деле эти «собратья» колдовать могут, или такие же ловкачи, как и я... Но вот что глотку перережут самым обычным ножиком – верится легко и сразу. В дружбу их с высокородными ещё более верится. А идти к ним в кабалу не хочется совершенно.

И тут подал голос тот, кого я меньше всего ожидала сейчас услышать.

– Гони их в шею, тётушка, – поднявшись с корточек, ломающимся голосом предложил Гармай.

Только тут я сообразила, что мои незваные гости до сих пор ни взглядом, ни словом не удостоили гостей званых. Точно вместо Алана с Гармаем было пустое место. Точно пелена какая-то была на глазах у «синих плащей».

Но сейчас пелена эта лопнула, и посланцы «общества» с удивлением уставились на моих постояльцев.

– Это ещё кто? – прищурился младший. – Что за лягушка квакает?

– Сам лягушка, – возразил Гармай и на всякий случай отскочил подальше. И не абы куда – а оказался ровно между «синими плащами» и Аланом, приподнявшимся на своём ложе.

– Откуда они тут взялись? – сурово спросил старший. – Отвечай, ведьма!

– Это, между прочим, мой дом, – сейчас же окрысилась я, – кого хочу, того селю. Вас не касается.

Старший пожал плечами и чуть отступил к закрывающей вход циновке. Не понравилось мне, как он двигается – точно кошка, что собирается прыгнуть за птичкой.

– Учитель, – взволнованно повернулся к нему младший, – они всё слышали. Слышали про Синюю Цепь.

– Да, слышали, – кивнул старший. – Уж извини, госпожа Саумари, придётся твоих гостей умертвить. Никто из обычных людишек не должен знать про Общество. Эта тайна не для тех, кто лишён магического дара. Уж не знаю, чем ты отвела нам глаза, что не заметили мы их, с этим позже разберёмся. А сейчас они умрут. Легко, без мучений.

– Тогда вам придётся сперва меня убить, – заявила я, чувствуя, как приливает кровь к щекам. Давно уже мне не доводилось испытывать такую злость. – Они мои гости и под моей защитой.

– Дура! – прошипел младший. – Ты, бабка, совсем спятила? Отойди в сторонку и не мешайся, пришибём ведь.

Я примерилась. Вроде оружия при них не видно, хотя под плащами могут быть ножи. Чем же будут убивать? Похоже, голыми руками. Мастера небось. Ну да ладно, и мне наставник кой чего открыл. Не всю ещё науку позабыла. Пальцы мои сами собой сложились нужным образом, локти прижались к рёбрам, дыхание вошло в ритм «мерцающей свечи»...

Но всё вышло по-другому. «Синие плащи» не собирались махать кулаками. Вместо этого подняли они свои посохи, напряглись – и разгорелось мутное голубое сияние, как на северных болотах по ночам бывает. На слегка загнутых концах посохов выросли огненные шары, с голову новорождённого младенца. Комнату озарило ярким светом, точно мы перенесли на улицу, в полдневную жару.

И впрямь, жар от шаров исходил нешуточный. Куда там обычным факелам!

Наверное, я как последняя дура разинула рот. Впервые на моих глазах происходило такое. Настоящая волшба! Не уличные фокусники, не обманщики, вроде меня – настоящие маги! Значит, и впрямь есть? Ведь никакими способами нельзя зажечь столь яркий огонь. Никакое земляное масло не поможет. Казалось, в каждый из этих сгустков пламени собрали свет и жар великой дюжины костров.

Потом шары вспыхнули ярче – хотя куда уж ярче-то! – оторвались от посохов и медленно поплыли в сторону моих постояльцев.

А я стояла столбом, без единой мысли – только страх, липкий, одуряющий страх. Ноги у меня у меня ослабли, чуть на пол не сползла. И мальчишка, гляжу, побледнел весь, едва стоит, глаза закатились, и струйка слюны из уголка губ стекает... А потом...

Не сразу я и поняла, что случилось. Алан, только что полулежавший на груди цинков, вдруг поднялся на ноги – сам сумел, без мальчишкиной помощи! – и, протянув к магам ладонь, трижды перечеркнул воздух крест-накрест. И тут же заговорил. И хоть и были все слова знакомые, незнакомой силой повеяло от его слов.

– Именем Бога Живого, Бога в Троице Единого, Бога Истинного, заклинаю вас, демоны, да лишит Он вас всей силы вашей! Да развеетесь вы как дым, огнём прогоняемый! Да поглотит вас божественная любовь, да будете вы ввержены в бездну глубокую, где огонь и тьма, и скрежет зубовный. Господь наш да прострёт руку Свою над домом сим и обитателями его. К Тебе взываю, Господь Бог наш, Тебя прошу, Пречистая Дева, вас молю, святые заступники, изгоните вон силу вражию!

Огненные шары остановились, нерешительно замерли в воздухе, а потом вдруг быстро начали тускнеть. Вот они уже не ярче факела, вот как лучина – и с негромким хлопком растаяли.

Алана шатнуло, он неловко дёрнулся – и сполз на пол. Но не прекращал говорить всё той же странной речью. Маги стояли точно гвоздями к полу прибитые, и только сейчас мне удалось поймать глаза младшего. Ужас в них плескался, чёрный клубящийся ужас. И – бесконечное удивление.

А Алан, глотнув воздуха, замолк.

На магов было жалко смотреть. Глаза их бегали, пальцы дрожали, а лица, казалось, посерели. Ещё миг, думалось мне, и они с криками ужаса кинутся прочь.

Я их недооценила. Старший что-то коротко крикнул младшему – и вот уже в свете факела блеснули ножи. Не зря я опасалась. Ну, начнётся сейчас.

И началось – то, чего уж я никак не ждала. Мальчишка Гармай вдруг метнулся вперёд, что-то сцапал, отпрыгнул в сторону – уже крепко сжимая обеими руками посох. У кого именно из «синих плащей» он его позаимствовал, я сходу и не поняла.

Маги остолбенели от подобной наглости – и потеряли драгоценные мгновения. Вращая посохом как дубинкой, парень ловко выбил нож у младшего и тут же, заехав ему по уху, резко ткнул в колено. «Синий плащ» рухнул на пол, проехался носом по глиняному полу. Прыжок, поворот – и наверх посоха метит в горло старшему. Тот, правда, сумел увернуться, но тут

уже и у меня оторопь прошла. Я завизжала раненой пантерой и кинулась на мага. Смазала локтем по носу, от всей души угостила коленом промеж ног – и сейчас же выкрутила руку. С глухим стуком упал на пол нож.

Мальчишка меж тем вертелся волчком, младшему магу не удавалось не то что схватить его, но даже и близко подобраться. Зато отнятый посох нет-нет да и врезался «синему плащу» то в локоть, то под колено. Гармай, оказалось, умел обращаться с палками. Где только наловчился?

Старший маг пробовал достать меня, но, к неописуемому моему счастью, боец из него оказался совсем никудышный. Зря я сочла обоих мастерами ручного боя – видать, вся надежда у них была на колдовские штучки. Если совсем недавно я готовилась умереть достойно, в бою, то теперь дело клонилось к нашей полной победе.

Старший, очевидно, и сам это сообразил. Коротко крикнул что-то поднимающемуся с пола младшему – и оба, мимоходом сорвав висевшую циновку, метнулись назад, к входной двери. Гармаю, видать, очень не хотелось упускать добычу, он, вопя что-то невразумительное, кинулся вслед за ними, сжимая свой боевой трофей. Мне не оставалось ничего другого, как отправиться следом.

На самом деле всё заняло несколько мгновений. Срывая завесы, мы пронеслись по тёмным комнатам – впрочем, не столь уж и тёмным, там, где были окна, разливался бледный свет восходящей луны – и оказались у входной двери. Краем глаза я отметила на полу обломки засова.

Две чёрные тени выметнулись во двор, сходу перемахнули глиняный забор – и растаяли в уличной тьме. Мальчишка собрался было их преследовать, но я вовремя ухватила его за плечо.

– Остынь, малой. Не достанешь ты их... Пошли-ка в дом, прибраться надо.

Сердце у меня колотилось, перед глазами плавала багряная плёнка, и жидкая муть плескалась в горле. Всё-таки старовата я для таких дел. Сноровка, может, и осталась, а здоровье уже не то.

– А здорово мы их! – возбуждённо орал Гармай. – Я ж не зря тебе говорил, тётушка, господин мой демонов гоняет как крыс! Именем Истинного Бога, во как!

Хотела я на дураля рявкнуть, даже рот открыла – да и не смогла. Просто сил уже боле не осталось.

– Помолчи, стрекотун... Господину своему лучше пойдی помощи. Да и вообще... Умом хоть маленько пораскинул бы. Жди теперь беды...

А чего её ждать, тут же подумалось мне. Уже дождались.

Глава пятая

Изменила я своей привычке вставать раньше солнца. И прошлую ночь едва ли не вся на ногах, и в эту, почитай, до третьей стражи беготня. В общем, провалилась я в плотный, вязкий, словно северное болото, сон. И не было никаких видений, чернота одна.

А когда открыла глаза, солнце уже высоко поднялось, на дюжинную долю небесного круга. Чирикали в кустах птицы, зноем тянуло из окна. Во дворе слышался плеск воды – знать, Гармай бочки наполняет. И как это раньше я сама на колодец таскалась? Давно пора кого-то из соседей к делу приспособить, не вечно же мальчишка хозяйство моё обихаживать будет.

Сколько раз я его ленивым называла, а ведь и двор он вычистил, и крышу в сарае залатал, и бочки всегда полны. На кухне управляется, точно родился тут. Да и за господином своим ходить поспевает. Раз показала, как повязки менять, так и перенял сходу... Нет, несправедлива я к нему...

Оказалось, Гармай уже отыскал где-то крепкий дубовый брус и укрепил его вместо сломанного засова. Я поглядела на обломки старого, и настроение сразу испортилось. Дверь изнутри была заложена. Ни стука, ни звука, ведь ничего. А сломали. Выходит, всё-таки волшебной?

Ужас как не хотелось мне верить, будто и в самом деле есть могучие маги, на такие вот чудеса гораздые. Коли есть в мире настоящее колдовство, так, может, и духи водятся? Невидимые, сильные, хитрые... А коли есть духи, отчего ж не быть тогда богам? Ведь они, получается, те же духи, только посильнее. И Хозяин Молний, и Ночная Госпожа, и сияющий Хаалгин, и Морской Владыка, и Управительница Рек... Почему же тогда поняла я в сердце своём – пусто небо? Да ведь и сейчас то же чувствую. Разум колеблется, тесно и муторно разуму, а сердце всё равно этих Господ да Хозяев не принимает...

Ну, о богах можно и после поразмыслить, а вот с ночными-то гостями как быть? Ведь, выходит, я всей их Синей Цепи войну объявила. Примутся они за меня всерьёз... И за меня, и особенно за постояльцев моих. Что ж, бежать куда? В восточные земли разве что... Да ведь не способен Алан пока ходить. Даже если на муле его везти – свалится. Ох, как всё не вовремя... Впрочем, сегодня-завтра от магов гадости ждать не приходится. Пока они начальствующим своим доложат, пока те головы поломают, как же со мной, вредной старушкой, управиться... Быстро такие дела не делаются.

– Ты поешь, тётушка, – встретил меня Гармай на кухне. – Я уж и куриную похлёбку сварил, с утраца бабка Аумисси притащилась, двух курей принесла. И от бакалейщиков пацана прислали, тёртого зерна приволок да малый мешочек соли. Я в кладовку сунул.

– Господина-то покормил? – для порядку осведомилась я.

– А то как же! Ему уж получше будет, он сегодня вдоль комнаты несколько раз прошёлся. Рёбра, сказал, болят пока, но терпимо. Скоро, значит, дале отправимся.

– Рановато собрался, – проворчала я, пробуя куриную похлёбку. А ведь умеет, шельмец! Не позабыл и сушёных трав подкинуть, и лишку при том не взял. – Уж лечиться, так лечиться. Как следует. До западного ветра Ибисси подождать. Да и после не стоит ему пешком-то... Можно будет по дешёвке мула взять, у торговца Миугхая, этот сам рад будет мне услужить...

– Я вот то же самому господину давеча говорил, – признал парнишка, – да он ни в какую. Своими ногами, говорит, по земле пойду, чтобы, значит, ничем не отличаться. Чтоб никто ему не сказал – ты нам о Боге своём толкуешь, а сам с удобством едешь да сладко ешь...

– Глупости! – отрезала я. – Вон на жрецов глянь. Не то что верхом – в паланкинах ездят, а уж как их люди слушают... Станный он, прямо тебе скажу, твой господин. Нездешний.

Мальчишка задумчиво теребил царапину на коленке.

– Так он и есть, нездешний. Из самой дальней земли, что на краю света...

Я усмехнулась.

– Думаешь, у света есть край?

– А то нет? – вылутился он.

– По-разному говорят. В нашей земле учат Жрецы Хозяина Молний, что земля наша суть плоский диск, плавающий в безбрежном океане. А жрецы светлого Хаалгина говорят, что нет никакого океана безбрежного, а висит земля на трёх алмазных цепях, и цепи те к хрустальному небесному своду приделаны. А мудрецы и поэты из Внутреннего Дома вообще несусветное пишут – дескать, земля наша суть шар и подвешена в пустоте подзвёздной... Как это там...

Земля как яблоко висит, но нет ни ветки,
Ни яблони. Вокруг – прозрачный воздух,
Чем выше, тем он тоньше и синей,
А там, извне, её объемлет сфера
Небесного седого хрусталя,
И звёзды в ней – распахнутые окна
Из внешнего пространства, где лишь боги
Живут и смотрят изредка на нас,
Как выросший ребёнок на игрушку
Наскучившую...

Это мудрец Игуармиди, поэма «О природе сущего». Давно написано, говорят, чуть ли не старше меня эти стихи... А только я иначе думаю.

– А как? – подался он вперёд. Глаза широко раскрылись, дыхание затаил. Интересно ему.

Мне и самой интересно, да только как знать, верны ли мои догадки? Наставник над ними посмеивался, упрощаешь ты всё, говорил. Но вот ведь не могла я с ним в этом сойтись. Себе верила.

– Бесконечна наша земля, – сказала я. – Во все стороны бесконечна, и нет нигде никакого края. Сколько ни странствуй, пешком ли, верхами ли, а будут перед тобой открываться всё новые и новые пределы. И не хватит никакой жизни – ни смертного человека, ни бессмертного бога, чтобы пройти всю землю. Потому что куда бы ни пришёл ты – а всё одно ляжет путь дальше. И моря встретятся, и океаны, и бескрайними покажутся, но будь у тебя крепкий корабль да времени в избытке, переплывёшь и дальше двинешься.

– А что ж небо? – сейчас же спросил он. Разумный вопрос.

– Ишь, небо ему подавай. О небе я тоже подумала. Вот что вокруг нас? Правильно, воздух. Так он, воздух, и выше, и выше, и так без конца. Будь ты птицей, поднялся бы наверх – и там воздух. И никакой тебе хрустальной сферы, сколь угодно можно подниматься, и всё то же самое будет.

– А как же звёзды, луна? А солнце куда же?

– Вон, глянь в окно, – усмехнулась я. – Видишь, там, высоко, точка тёмная? Это орёл или коршун, отсюда уж и не различить. Двигается ли точка?

– Нет, – доложил мальчишка. – Висит себе.

– А меж тем орёл-то летает, да быстрее быстрого. Просто далеко он слишком, вот и кажется, что неподвижен. Так же и звёзды. Мыслью я, что это тоже птицы, только особого рода, никогда не опускающиеся на землю. Вблизи, наверное, мы б ослепли, такую птицу завидев. А издали, то есть снизу – так себе, звёздочки в небе. На самом деле они тоже дви-

жуются, только великие дюжины лет наблюдать надо, чтобы движение их различить. Что же до солнца и луны – просто эти птицы к нам ближе, вот и видим мы их большими да яркими.

– Но ведь и солнце, и луна восходят и заходят, – рассудительно заметил Гармай. – Да и звёзды. Ведь коли долго на звезду глядеть, заметишь, что ползёт она по небу.

– И правильно, – кивнула я. – Ибо крутится бесконечное небо вокруг бесконечной земли. А оттого крутится, что разные они стихии – земля да воздух, и есть меж ними влечение. Не как меж людьми или зверями, а попроще. Не могут они быть друг с другом совсем порознь, но и соединиться не могут, ибо разные. Вот и крутятся. То ли небо вокруг земли, то ли земля вокруг неба, поди разбери.

– А там что, тётушка? – Гармай ткнул обгрызенным пальцем вниз.

– Там пол, который не мешало бы подмести.

– Да приберусь, приберусь, тётушка, но не про то я. Под полом-то земля. И рыть если – всё земля да земля. А если глубже?

– И там земля, – вздохнула я. – Сколь ни рой, всё глина будет, песок да камень. Вода порой попадётся, а под водой – снова земля. И так без конца.

– Жалко, – помолчав, сказал Гармай. – Я вот подумал, что ежели те жрицы правы, которые насчёт диска в океане, то можно было бы такую ямищу прорыть, чтобы весь земной диск насквозь. И вода бы океанская выплеснулась.

– А зачем? – поинтересовалась я.

– А просто так, – спокойно объяснил мальчишка. – Занятно...

Всё-таки совсем он ещё малой.

Пошла я проводить господина его – и что же застаю? Комната пустая, груда циновок раскидана, факел догорает. Я даже принялась – нет, чужих запахов вроде в воздухе не плавают. Может, ночные гости какое хитрое заклятье нам подбросили? Ох, не верится.

И правильно не верилось. На крыльце обнаружился господин Алан. Сидит, на солнце жмурится, ну чисто кот, молока налакавшийся. Выходит, это когда мы с Гармаем о делах земных да небесных рассуждали, он погулять вылез?

– Ты что? – напустилась я на него. – Тебе вставать не должно, лежать надо тебе. Чего удумал – на четвёртый день подыматься? Раны-то не зажили, рёбра не срослись...

– Ну так ведь лучше мне, тётушка Саумари, – возразил Алан. – Уже почти и не болит ничего, сколько можно валяться? Сама ведь знаешь, телу поблажки давать нельзя. Иначе оно взбунтует, не ты над ним властвовать будешь, а оно над тобой. Так что надо мне привыкать к ходьбе. Скоро-то всё равно в путь...

– Можно подумать, тебя кто-то гонит. – Я присела на крыльцо рядом. Крыльцо у меня широкое, места хватило. – Сколь надо, столь и оставайся. Или ты и впрямь решил, будто я с тебя серебро удержу?

– Да понимаю я, ни монетки ты не возьмёшь, – кивнул он. – Всё ведь вижу, не слепой. Мало таких людей, как ты... – И он сказал слова, которые непонятны мне показались. – Сильно опередила ты своё время... Ведьма... Надо же... Совсем не думал такую ведьму встретить...

Слово «ведьма» он слегка протянул и точно прокатал языком – вышло у него «веедь'м-ма». Только сейчас я поняла, что языком здешним, алгойской речью, говорит он хоть и чисто, но с едва заметной странностью. Хотя чего удивляться – может, он и не с края света, но уж точно издалека. Может, и впрямь из тех земель, до которых за всю жизнь не доедешь, хоть тебе на каждом постоялом дворе конь припасён. С другой стороны, он-то ведь как-то же добрался досюда? И при том пешком...

– Знаешь, тётушка, – сказал он, – мне тоже будет жаль с тобой расставаться. А что делать? Мне эту землю пройти надо, об Истинном Боге людям рассказать. Чтоб ждали...

Тут спорить не о чем. Это во-первых. А во-вторых, ты сама мне говорила об опасности. Ночные эти колдуны меня ведь и видели, и слышали. Думаешь, забыли? У меня на родине присловье есть – держи... гм... мешок шире. Нажалуются наместнику, что подозрительного проповедника у себя держишь, который чужим богам учит. Все тогда пострадает.

– Не донесут они, – улыбнулась я, показав солнцу вычерненные зубы. – Зачем им доносить? Как тогда с меня великую дюжину докко стрясти? Ежели меня в яму, так и дом, и сбережения, какие найдут – всё в казну. К рукам, конечно, доля прилипнет, так ведь не к тем рукам, не к ихним... Да и нет им интересу меня губить. Коли думают, будто я такая уж сильная колдунья, что совладала с ними, значит, захотят силу мою понять, своей сделать. Значит, и улещать будут, и наместниковой ямой стращать, да только я не из пугливых. А ты вот чего... ежели стражники заявятся или судья городской, по доносу – ты скажи, мол, не помнишь, чего там ночью наговорил. Били, мол, тебя лихие люди по голове, вот и заговариваешься.

– Не выйдет, – повертел головой Алан. Я уже усвоила, что когда он так вертит, это значит «нет». У нас-то пальцем обмахиваются... – Не выйдет. Если напрямую спросят, поклонюсь ли я Богу Единому, придётся правду сказать. От Бога не отрекаются.

– Ладно, – хмыкнула я, – давай ближе к делу. Во-первых, нельзя тебе уходить сейчас. Слишком слаб ты. Даже если и мула прикупить... Свалишься по дороге, и что тогда? Как тебя твой раб спасти будет? Не в каждой ведь дыре тётушка Саумари сыщется. Ничего тут не поделывать, надо до следующего полнолуния обождать. Никакие травы не могут полумёртвого сделать здоровым сразу. Теперь во-вторых. Думаешь, если решатся «синие плащи» на меня донести, мол, укрываю лжеучителя, – наместник разбираться станет, здесь ли ты, ушёл ли? Скажут – укрывала. И чтобы в яму засадить, этого довольно. И потому не обо мне речь, а о тебе. Если останешься тут – всё может случиться. Колдуны могут и стражу на нас спустить, и жрецов. А могут и не спустить, тут уж как судьба протянется. Но если ты сейчас уходишь – то совершенно точно погибнешь, тут уж никакая судьба не спасёт. Вот и выберем мы с тобой из двух бед ту, что серединка на половинку.

Помолчал Алан, о чём-то своём, далёком задумался. Потом кивнул:

– Да, наверное, ты права, тётушка. Если пойду я, то только на явное чудо Божие надеяться остаётся. А это значит искушать Его. У нас так не принято... И ещё одно. Если помру я на дороге, что с мальчиком станет? А я за него в ответе.

– Может, мне его оставишь? – в шутку спросила я. Хотя и не только шутка была в моих словах. – Здесь-то уж точно не пропадёт, пока я жива. Да и этим колдунам синим он без интересу, не то что мы с тобой... В крайнем случае, вдвоем с ним в восточные земли утечём, знахарки всюду нужны... А жить я ещё буду уж никак не менее дюжины, порода у меня такая... Подумай, раз уж он тебе непонятно с чего так дорог – стоит ли парнишкой рисковать? Хочешь правду? Тебя в Высоком Доме рано или поздно выловят да казнят. Через год, много через два. И пока он с тобой, та же судьба над ним висит. А у меня всё же безопаснее. А как стану помирать, волю ему дам.

– А ты спроси его, – предложил Алан. – В чём-то, может, ты и права, тётушка, но он ведь не мул, не курица, чтобы за него решать. Такой же человек, как и мы, со свободной волей и бессмертной душой. И не младенец, пятнадцатый год ему пошёл. Как он сам захочет. Не могу его принуждать, не по-человечески это будет и не по-божески. Но думаю, откажется. Слишком уж привязался ко мне.

– Что ж, придётся поговорить, – согласилась я. – Чувствую я, что с вами обоими скоро и я умом тронусь. Слыханное ли дело, чтобы купленного раба спрашивать, чего он пожелает?

Но я и сама понимала, что всё давно пошло наперекосяк. Линия моей жизни повернулась куда-то вбок. И отчего я жжение на ладони не ощущаю?

Что ж, поговорим. Уговаривать я умею.

Мальчишку я нашла на заднем дворе за странным занятием – вооружившись лопатой, он неторопливо копал яму – круглую, локтя два в поперечнике.

– Что, могила? – поинтересовалась я, встав у него за спиной.

– Не, тётушка, колодец у тебя будет. Далеко же ходить, да и очереди ждать приходится... А если мы с господином у тебя на целую луну задержимся, то вот надумал я вырыть.

Он стоял в яме уже по колено, руки и ноги перемазаны в глине.

– Колодец, конечно, дело хорошее, – согласилась я. – Только сейчас ты быстренько зароешь всё, что накопать успел.

Лицо его вытянулось от обиды.

– Но почему?

Стоило, конечно, указать ему на непозволительную дерзость, заслуживающую сурового наказания, но мне сейчас этого совсем не хотелось. О другом сейчас говорить с ним надо.

– Потому что воды здесь нет. Умный хозяин, прежде чем колодец копать, знающего человека призовет. Тот с лозой придёт и проверит, глубоко ли вода кроется. У меня тут хоть на десять твоих ростов заройся, всё воды не будет. Разве только, – я сухо улыбнулась, – ты не вздумал до океана докопаться... чтобы выплеснулся...

– А то я колодцев не рыл, тётушка, – протянул он обиженно, выбираясь из ямы.

– Землю поковырять – невелика сноровка, – возразила я. – А вот выбирать места, думаю, тебе не приходилось. Так что закидаешь это... после. А пока что поговорить мне с тобой надо. Отмывайся давай да ступай на кухню.

Вскоре он сидел на полу, чистый, в новенькой набедренной повязке. Даже волосы расчёпанные слегка пригладил. Видать, почуял, что разговор нешуточный будет.

– Вот что я тебе скажу, Гармай, – устроившись поудобнее, начала я. – Господин твой рано или поздно поправится, и пойдёте вы с ним до дорогам да бездорожью. Бога этого Истинного проповедовать. А сие строжайше запрещено законами Высокого Дома. Каким богам на здешних землях поклоняются, те и разрешены, а за прочих наказание положено. Иноземцам, конечно, дозволено по своей вере жить, но чтоб местных на неё сбивать... за то смерть лютая. Как уж начальник уездный решит. Кол, костёр, крысиная яма, колесо – много чего у властей есть. Тем же, кто новшества эти слушает и принимает – их в палки, да всё имущество в казну отберут. А самих в изгнание. Вот оно как... А господин твой в открытую о Едином Боге болтает. Значит, скоро попадётся. Уже слухи ползут, что во Внутреннем Доме знают о заразе этой, насчёт какого-то бога чужеземного. Знают и гневаются. Стало быть, обречён твой господин на смерть. Или селяне забудут, как это чуть не случилось, или уездным властям выдадут. И тебя вместе с ним. Тебе умирать-то разве хочется?

– Зачем ты мне это говоришь, тётушка? – не поднимая головы, глухо спросил Гармай.

– А затем, что говорила я с господином твоим, и понимает он опасность, и боится. За тебя, дурака, боится, не желает тебе смерти мучительной. И потому предложила я ему – пускай оставит тебя здесь, у меня. Собой сколь угодно рисковать может, а ты молодой ещё, тебе жить да жить. Не бойся, тебе у меня плохо не будет, обижать не стану. Ну а как смерть свою почую, отпущу тебя на волю, да ещё и денег оставлю.

Гармай наконец поднял голову – и я поразилась, как побелело его загорелое лицо, как заострились скулы. Губы у него дёргались, а в краешках глаз набухали слёзы. Будто ударили его больно, только не телесная та боль.

– Господин отдал меня тебе? – глотая слова, спросил он. – Я, значит, больше не нужен господину?

Я подумала, как лучше ответить – и решила сказать правду.

– Господин твой сказал, что ни он, ни я не вправе то решать. Это касается тебя, и потому это только твой выбор. Он не гонит тебя. Он потому и согласился говорить об этом, что привязан к тебе. И думает не о том, как лучше для него, а как лучше для тебя. Честно скажу, удивили меня его слова. Сам понимаешь, немыслимо это, чтобы раба спрашивать. Но он сказал, вот я и спросила. Думай.

– Да чего тут думать?! – выпалил он. – Никуда я от него не уйду. Резать будут – не уйду, огнём жечь – не уйду, а коли на казнь его поведут, то и я вместе с ним. Он для меня... – мальчишка запнулся, подбирая слова. – Он для меня... Ну, в общем, он для меня. Он мне и жизнь спас, и вообще...

– Бывает, – кивнула я, мысленно помянув наставника Гирхана. – А как же так получилось, что встретились вы? Давно ли он купил тебя?

Гармай помолчал, задумался – а потом начал говорить. Поначалу слова сыпались из него скупно, но потом душа его развязалась, речь выплеснулась, как «океан из сквозной дырки», и я, наконец, прикоснулась к его судьбе.

Родителей своих он почти не помнил. Кем был его отец в том караване – торговцем, слугой, возницей, стражником? И почему взял с собой жену и дитя?

Волосы он мамины запомнил – густые, шелковистые. И голос, певший песенку про двух волчат, умного да глупого. И ещё – как отец подбрасывал его в воздух и ловил, отчего было жутко и радостно. Помнил – вот уж совсем неожиданно – что ему было тогда три года, да имя своё. А вот что случилось с караваном, он уже не помнил, а только знал по рассказам.

Так бывает – когда ребёнок мал, а случается что-то очень страшное, оно исчезает из памяти – словно чернила, которые соскребаешь заточенной костяной палочкой с пальмовой бумаги.

Караван встретили в горном ущелье, ближе к вечеру. Стая Айгхнарра, называвшего себя Рыжим Волком. Перебили всех – Рыжий Волк не нуждался в рабах. Чтобы выгодно продать их, пришлось бы седмицу кочевать к побережью. Ему хватило и товаров – везли вино из западных провинций, шелка, а главное, сталь. В горах она поважнее вина будет. Сталь – это мечи, топоры, наконечники стрел и копий. Власть государя над горами подобна кинжалу, которым безумец режет воду. Миг – и она снова сомкнулась. Никакие легионы не справятся в этих кручах, расщелинах, соединяющихся друг с другом пещерах.

Почему не закололи трехлетнего малыша? Судя по рассказу Гармая, Рыжий Волк был не из породы жалостливых. Потом, годы спустя, старый разбойник Алгимизу говорил, будто упросил вожака не лить младенческую кровь. А потому упросил, что накануне ему, дескать, сон особый был.

Как бы там ни было, мальчишку взяли в стаю. Не сказать чтобы особо нянчились – едва подрос, приставили к делу – по хозяйству бегать, за конями ходить, кашеварить... Подзатыльников не жалели, но и не мучили охотки ради.

В стае Рыжего Волка были не только хааркизы, но и всякого племени люди. Потому с раннего детства Гармай заговорил сразу на нескольких языках, и все они казались ему родными.

Лет с восьми его начали обучать и боевому делу. И ножом махать, и дубинкой – вот и выяснилось, отчего он столь ловко посохом крутил. До лука не дошло, силёнок не хватало тетиву натянуть, а маленький детский лук никто, конечно, не догадался ему смастерить. Руками да ногами драться тоже его натащали, а вот меч был тяжеловат.

Стая на месте не сидела – рыскала по южным землям, по восточным. Грабила караваны, а иной раз и сёла захватывала. Правда, кроме провизии, в сёлах поживиться было нечем, звонкой монеты у мужика раз два и обчёлся. Но неизменно после набега Рыжий Волк

возвращался в Хааркиз, в свои родные лесистые горы, сбывал добычу, отдыхал, а порой и раны зализывал.

Видно, со временем он и обнаглел сверх меры. Вздумалось ему взять Хагорбайю, город не то чтобы великий, но и не малый, уж всяко поболее Огхойи будет. И как раз там ярмарка в те дни намечалась. Думал, одним махом безумную добычу и огребёт.

Огрёб. Наместник – ещё не Арибу, а прежний, Гунтасси, давно хотел разбойнику хребет заломать, да в горах бесполезно, а в сёлах – поди сперва угадай, где он объявится... Видать, заранее знал, что на Хагорбайю Волк зубы точит. Или просчитал, или был у него свой глазок в стае...

Ждали их в Хагарбайе. Умно ждали, грамотно. Понимали, что всей толпой разбойники в город не ринутся, часть под видом странников войдёт, часть – будто бы купцы, на ярмарку едут. Телеги у них были, сверху мешками зерна гружённые, а под мешками, в сене, оружие.

Позволили всем войти, подозрения не выказали. Позволили и собраться всем на постоялом дворе, где Айгхнарр хозяина то ли купил, то ли запугал.

За одну стражу до рассвета Волк собирался стаю поднять, да и ударить разом. По гарнизону спящему, по караулу у ворот, по домам знатных людей да зажиточных купцов.

А после полуночи постоялый двор взяли. Не толпой наместник взял, но сноровкой. Самых надёжных воинов отрядил, проверенных.

Быстро повязали спящих разбойников, те и понять не успели, что да как. Само собой, и Гармая вместе с ними. А шёл ему тогда двенадцатый год.

Дальше дело понятное. Вожака в клетку засунули, клетку на подводу – и во Внутренний Дом повезли, государю. И повелел милостивый наш государь душегуба в кипящем масле сварить. По-моему, очень даже правильно повелел.

А прочих разбойников наказали плетью да прямо тут же, на ярмарке, в рабство продали. Гармая, по малолетству, пожалели, от плетей избавили. А может, просто товар портить не захотели – после тех плетей и не всякий мужик оклемается, а уж малец...

Поставили клеймо, заковали в цепь, на торг повели. Так и началась его рабская доля.

Сперва трактирщик его купил. Так себе, вздохнул Гармай. Кормили сносно, правда, объедками, но и вкуснятина попадалась. Зато работы неспорота было, вставать до рассвета, ложиться за полночь. Ну, конечно, тумачи да затрещины, только к этому делу Гармай и по стае привычен был.

Почти год он у трактирщика провёл, а потом у того несчастье приключилось – пожар. Всё сгорело, пришлось и скот уцелевший, и рабов продавать. Их, вместе с Гармаем, всего-то пятеро было.

Снова торг, и на сей раз купил мальчишку человек знатный, высокородный Иссаури, начальствующий над городской налоговой палатой. Для комнатного услужения купил – вино на пиру подавать, вещи за господином таскать, если тот пойдёт куда, по всякому поручению бегать и прочую нужду удовлетворять. Да и просчитался господин Иссаури – не вышло из Гармая домашнего раба. Никакой, ругался господин, тонкости, никаких манер поганцу не вдолбишь. Розог извёл немерено, а толку чуть. Ненавидел его Гармай, если хоть малейшая возможность была – наперекос делал. Трактирщику-то он честно служил, потому что трактирщик был человеком прямым как столб. Вот делай то, и ешь это, а спи здесь. Не по делу не наказывал, комнатную зверушку из него не творил.

И совсем уж было Гармай в побег собрался, как дошло до начальника налогов, что проще избавиться от паршивца и на его место прикупить подходящего невольника.

Снова продали Гармая, теперь уж зажиточный крестьянин его приобрёл. Не простой крестьянин – сельский староста. И началась для мальчишки такая мука, о какой он раньше и не думал, что бывает.

С самого начала пришёлся он старосте не по нраву. Строптив, дерзок, волком глядит, того и гляди укусит. В первый же день оказалось, что работать придётся поболее, чем в трак-тире. Спать вообще непонятно когда. А кормить – это ещё заслужить надо старанием да покорностью, чтоб кормили. На ночь его во дворе на цепь сажали. Каждый вечер секли, рубцы уже гноиться начали.

Покорности это, конечно, Гармаю не добавило. Знаю я такую породу – чем ты их боле грызи, тем они к тебе злее. По себе знаю... И понял его хозяин, что одной лишь порки маловато будет. Решил так наказать, чтобы как следует проняло. И чтобы всем остальным в острастку было.

Вывели мальчишку во двор, связали руки – да и подвесили на перекладине колодезя. Ноги на локоть до земли не доставали. А внизу, под ногами, костерок разложили.

Знакомо это мучение Гармаю было, да не по своей шкуре. Рыжий Волк такое с пленни-ками вытворял, ежели чего дознаться хотел. Когда и где караван ждут, откуда родом купцы, где у них дома золотишко запрятано...

Домашние собрались, и просто сельчане – поглазеть. Если и жалел кто, виду не пода-вал, боялись старосту сердить.

А тут путник приключился, зашёл в их село ночлега попросить. И как раз на двор старосты ему кто-то указал – мол, там тебя примут, обогреют да обустроят, если, конечно, монета есть.

Увидел путник, что здесь творится, подошёл к старосте – и говорит – сымай, мол, не дело это, бог накажет. А какой именно бог, не уточнил. Староста взбеленился – ты кто таков? Мой раб, что хочу, то и делаю. А путник ему в ответ – я у тебя его куплю. Сколько просишь?

И тут случилось непонятное. По всему как оно должно было пойти? В лучшем случае вытолкали бы этого странника в шею, а в худшем – деньги бы отобрали, да и придушили тихонько. Закопать – и кто потом дознается, что такой-то здесь проходил?

А вышло иначе. Поскреб староста плешь свою – да и согласился. Дюжину дюжин докко запросил – и незнакомец, не торгуясь, выложил. Нацарапали на дощечке купчую, взял стран-ник Гармая за руку и вывел из села. А выходя, повернулся – и воздух над селом перекрестил.

Вот так и познакомился он с господином Аланом. И скоро уж год, как вместе ходят.

– Не раб я для него, тётушка, – напоследок сказал Гармай. – Он и сам то говорит. Другом своим называет. Веришь ли, ни разу даже не отлупил, хотя и было за что...

Хоть раз увидев господина Алана, нетрудно было поверить.

Глава шестая

Удивительно спокойная выдалась седмица. Ни «синие плащи» о себе знать не давали, ни крыса, в угол загнанная – то бишь господин Гиуртизи. Посетителей тоже было немного, и всё по мелочи – с зубами да животами.

Алан поправлялся с удивительной прытью, я и сама не понимала, в чём тут хитрость? То ли у людей из этой его дальней земли особое телесное устройство, то ли ошиблась я в тот первый день, на раны да ушибы его глядя. Сам Алан лишь отмахивался – что тут такого, Господь помогает. Нужен, мол, он Богу своему, вот и заживает всё как на собаке.

Ну, насчёт собак не знаю. У нас тут, на юге, их не держат – разве что в горах. А вот во Внутреннем Доме их полно. Случалось нам с наставником туда забредать. Было дело, некий знатный человек на нас, путников, свору свою спустил. Забавлялся светлый держатель, гостей развлекал. Только вот не могло ему на ум прийти, что у наставника Гирхана под тряпьем сабля укрыта. Не думаю, что у тех его псов что-то зажило. Зато нам пол-луны укрываться приходилось, уездная стража по следу нашему рыскала почище собак...

А насчёт Бога его... Не хотелось мне об этом думать – сразу та ночь вспоминалась, когда затухали колдовские огни. Что это было – случайность, совпадение? Или и впрямь обладает Алан некой силой, а сам того не понимает, на Бога своего сваливает? Сила-то в нём есть – хотя бы тот случай взять, когда Гармая он у старосты вызволил. Невероятно же – простой путник, не знатный, без охраны, без оружия, да ещё при деньгах... И на деревенскую власть, на самого старосту пасть разинул... А ведь не прибили, и мало того, прогнулись, продали мальчишку. Не уверена я, что мне бы такое удалось, хоть я всеми своими уловками обольщай, хоть всё своё искусство морочить используй.

Наставник Гирхан, может, и справился бы. Да и то – вряд ли так вот просто. Хитрость бы какую измыслил.

Оставалась третья возможность – этот его таинственный Бог впрямь существует и заботится о своём вестнике. Но ежели такое допустить, то вся моя жизнь, выходит, зря прошла? Зря я плюнула на ступени храма Ночной Госпожи, зря я, похоронив мальчика моего, продала дом да лавку и в путь по дорогам пустилась, сама не зная, куда и зачем? Зря с наставником Гирханом повстречалась? И эта моя суета мышиная, в Огхое – тоже, получается, зря? На том ведь и строила я свою жизнь, что нет никого ни на небе, ни на земле, ни в бездне. Ни богов, ни духов, ни посмертных этих Нижних Полей. И колдовства никакого нет, а есть только тёмная вера человеческая, и, воспользовавшись ею искусно, можно такие дела творить, что людям и впрямь чудесами покажутся. И в том мой хлеб, в том моя сила.

А если всё не так? Если, как говорит Алан, мир действительно создан этим Богом из пустоты, и управляется им... значит, есть и всё остальное? И боги, и духи, и маги истинные... а ведь, пожалуй, и есть – давешние «синие плащи». Не трюком были их страшные огни, не уловкой. Всерьёз они собирались постояльцев моих испепелить...

Наставник однажды рассказал мне, что у жрецов Господина Бурь есть древнее предание, где всё не так о богах говорится, не по-обычному. Дескать, изначально был только один Создатель Мира, но трудно было ему одному поддерживать землю и небо, согревать их дыханием своим. Вот и подул он направо и налево, и так возникли великие духи. Одни стали властвовать над водами, другие над огнём, третьи над светилами, четвёртые над всякой живой тварью. И не понравилось новым Владыкам, что есть над ними сотворивший их Единый. И воспользовались они тем, что ослаб он после того, как выдул богов, и погрузили они чарами своими его в глубокий сон. И сами, подражая ему, стали дуть направо и налево, вверх и вниз. И выдули они мелких духов, коих и называем мы стихийными духами, коих множество чинов и разрядов. Но забыли боги о том, что не только их Единый создал, но

и человека – из крови своей. Проколол он себе руку, и смешал он кровь с пылью земной, и вылепил из этой кашицы первых людей. Потом уж расплодились люди по лицу земли, но он спал уже. Однако всем известно, что кровь – это кровь. В ней и жизнь, и память. И потому сохранилась у людей связь с Единым... Наставник Гирхан говорил, что очень это предание древнее, и потому запрещено его записывать, а только так передают, из уст в уста. Хотя ещё при государе Иулази, половину великой дюжины лет назад, запретили его и рассказывать. Мол, этак и гнев богов на Высокий Дом навлечёшь. Но всё равно рассказывают, только тайно. Наставник потому и знает, что сам бывший жрец. Сбежал из храма Господина Бурь, когда ему всего две дюжины с небольшим было. Или изгнали его – глухо он про ту пору говорил...

Может, какая-то правда здесь есть? Я рассказала это предание Алану, очень он заинтересовался. «Перепутано многое, выдуманно, забыто – а всё же просвечивает Истина даже сквозь такую корку. На самом деле было так...» И пошёл рассказывать, руками махать.

И складно он говорил, убедительно и ярко. Только молчало моё сердце, не отзывалось. Чувала я – за мудрыми словами пустота. Как в небе – сколько ни лети ввысь, а будет всё тот же пустой зыбкий воздух.

– Тётушка, тебя кличут! – вырвал меня из путанных моих мыслей Гармай.

Ну вот, так всегда. Подумать не дадут старушке.

Брюзжа, я вышла на крыльцо.

...Юноша был высок, хорошо сложен, а одет хоть и бедно, но опрятно. Сразу видать, издалека. Глаза у него усталые и какие-то словно пеплом присыпанные.

– Ну, ты меня звал? – не приветливо буркнула я, глядя поверх его черноволосой головы. С посетителями именно так и надо, неласково. У кого и впрямь нужда, перетерпит подобное обращение, а кто не по делу пришёл, тот сразу поймёт, что здесь ему не мёдом намазано, бесплатного развлечения не жди.

– Я, госпожа Саумари... – голос у него оказался столь же тусклым, что и взгляд. – С бедой я к тебе. Люди посоветовали.

– Оно понятно, что с бедой, – оскалила я чёрные зубы. – К ведьме, парень, с радостями не ходят. Ну, чего столбом встал? Пошли в дом.

Провела я его туда, где обычно людей принимала – в комнату с крысиными черепами да с пнём из меннарских лесов. Запалила стенные факелы, уселась на седалище своё, свистнула коротко – и выбежал из своего уголка Гхири, залез мне на плечо и зубки оскалил. Мол, остерегайся меня, незнакомец, я тут хозяин. Всё тут моё...

– Ну, садись, – велела я. – Рассказывай, зачем ты из дальнего Ноллагара своего ко мне пожаловал. Чай, путь-то не ближний, половинку луны небось тащился?

Вытаращился он на меня. Убедился, что и впрямь ведьма. Всё знает. А хитрости и нету никакой – плащ у него ноллагарский, из грубой шерсти сработанный, да и закидывает он его край на плечо, как только у них, в Ноллагаре, и принято.

– Беда у меня, госпожа, – повторил он глухо, сидя на корточках и глядя на меня своими бесцветными глазами. – Невесту мою украли. За три дня до свадьбы.

– Бывает, – я сухо кивнула. – Значит, кто украд, тот сильнее любит.

Ох, и вскинулся же он! Едва, гляжу, от брани удержался.

– Худгару это, самый зловредный разбойник в наших краях. У него большая шайка, на всех страх наводят. Алинсури в поле работала, когда они налетели... на мохнатых конях своих, да в броне. Не одна она была, с матерью и сестрёнками младшими. Их-то не тронули, а её – поперёк седла, и в лес. Там у него, всем известно, логово, у душегуба.

– А ты где был, жених?

– Да мы с отцом в кузне... Прибегают к нам, ревут... Увезли, говорят, нашу Алинсури.

Я внимательно оглядела его. Крепкий парень, и не только, видать, мышцами крепкий. Известное ж дело, с разбойниками селянину вязаться никак не возможно. А вот не смирился...

– Так то дело уголовное, – ухмыльнулась я. – Это отцу девушки надо к уездному начальнику челобитную, тот воинов должен отрядить, на вызволение. Таков порядок.

Лицо его скривилось, точно от ягоды недозрелой.

– Да что ты несёшь, госпожа? Какие воины? Всем в Ноллагаре известно, что Худгару с уездным начальником дружки не разлей вода. На одной улице росли, вместе в салки ещё вот такими играли. И посейчас дружат, и каждую луну к господину уездному начальнику от него люди приезжают, мешки привозят. Потому и нет на него управы.

– Ну а наместник? Отчего же наместнику не пожаловаться. Чай, с наместником-то он в салки не гонял?

Мне, конечно, всё уже было ясно, однако хотелось понять, ясно ли то же и парню.

– Толку-то от наместника? – сказал он кисло. – Наместнику уж от начальника уездного мешки везут. Это первое. А второе, будто ты, госпожа, не ведаешь, что указом государевым запрещено простолюдинам напрямую высокой власти жалобы подавать? Только через уездного. Я вот не знал, в Гменниройю поехал, во дворец-то к наместнику.

– И что? – с любопытством спросила я.

– И ничего. Две дюжины плетей за невежество в законах. Спасибо, в колодки не забили...

– Понятное дело. Значит, решил ты, как богатырь из сказок, самолично невесту свою от злодеев вызволить?

– Как же, вызволишь её самолично! Их, злодеев, дюжины дюжин, и все с мечами да секирами. Толку-то с кулаками или посохом на них переть? Вмиг порубят.

И это было понятно. Значит, не совсем уж глуп юноша, от горя и любви мозги всё ж студнем не застыли.

– Ты ж кузнец вроде? Отковал бы меч, – продолжала я болезненную, но необходимую обработку, – да и отправился бы на подвиг.

Он аж руками замахал.

– Что ты, госпожа, совсем разве законов не ведаешь? Коли простолюдин с боевым оружием замечен будет, то полагается ему обе руки по локоть отсечь. И кому я безрукий нужен буду? Дармоедом на шее родительской сидеть? И потом, мало меч взять, надо ещё уметь с ним обращаться. Воинов годами учат, а я только молот да клещи и знаю.

До чего ж рассудительный молодой человек! Наверное, из него и муж неплохой выйдет – толковый, деловитый, не склонный к сомнительным делам да речам. Ну прямо как мой покойный муженёк Гирроуги, с которым я пять лет прожила, пока серый мор у нас не случился... В страданиях отошёл, и плакала я по нему, да особо горевать некогда было, на руках-то Миухири, которому и четырёх не исполнилось, и лавка зеленная, и дом...

– Что ж, – прищурилась я, – значит, человеческим силам это дело неподвластно. К богам бегал, жертвы носил?

– Понятное дело, носил, – очень по-взрослому кивнул он. – И носил, и со жрецами толковал, и десять серебряных докко в ящик бросил. Да видно, неинтересна богам моя просьба.

– Значит, это судьба. Покориться надо, любовь свою забыть и жить дальше. Найдёшь ещё себе невесту. Как много есть на свете девушек хороших... Смирись.

– Не могу, госпожа, – тускло произнёс он. – Не нужны мне никакие другие... мне Алинсури моя нужна. Думаешь, я не пробовал? Выследил я, где их разбойничье логово. Три дня вблизи хоронился. Только стены там высокие, ворота крепкие, и охрана... Думал, хоть глазком мою родную увижу... Как бы не так. Чуть не словили меня, удирал как заяц. Стреляли вслед, об кожу наконецник чиркнул.

Юноша поднял руку и показал мне кривую царапину на локте. Судя по корочке, уже не менее чем луна ей.

– Герой, нет слов, – поцокала я языком. – А ко мне ты зачем притащился? Я тебе что, богиня Алаиди? Думаешь, скажу слово волшебное, да невеста твоя дома и очутится, невредимая да целая? Или, может, стоит мне заклятье сотворить – и крепость разбойная огнём займётся?

Судя по его угрюмому молчанию, именно так парень и думал.

– Ну да, ведьма я, – голос мой прозвучал чуть громче, чем следовало. – Болезни людские лечу, роды принимаю, порчу снимаю, могу на будущее погадать, могу расшалившихся домовых духов успокоить. А насчёт разбойников – это не ко мне. Это, может, тебе надо сильного волхва сыскать, который по воинским делам работает. Только где такие водятся, не ведаю. Ко мне-то зачем?

– Госпожа Саумари, – в голосе этого взрослого парня послышались детские слёзы, – мне про тебя говорили, что ты всё можешь. Что ты никому ещё не отказала. Ну я не знаю, как, но помоги. Я тебе все деньги отдам, у меня припасено, ты не сомневайся...

И что мне надо было ему ответить? Что не ведьма я, а ловкая притворщица, что никакой силой магической не владею, и потому бесполезно меня просить? Вот так просто взять и срубить под корень деревце, что полжизни меня питает?

Выставить его из дома, безо всяких объяснений? Но ведь жалко – и кузнеца этого, без трёх дней счастливого мужа, и девчонку эту, которую душегубы, небось, попользовав, уже и придушили да выкинули труп лесному зверью. И нельзя такое оставлять без наказания. Если уж ни начальник уездный, ни наместник, ни Хозяин Молний... Если у людей последняя надежда на старую Саумари... Последняя... А коли так, отказывать нельзя, учил же наставник. Ежели с баловством каким к тебе пришли, или с чёрными замыслами – ребёночка в утробе погубить, на соседа порчу навести – этих гони безжалостно. А вот кто с истинной бедой, и некуда уже ему боле пойти – того прими и помоги.

Ох и не хотелось мне в это дело втягиваться! Уже и рот я открыла, чтобы произнести что-то пустое, утешительное – и снова вспомнился мне наставник Гирхан. И то дело в Хиуссе, с трактирной служанкой... Но тогда нас было двое, и наставник-то – не чета мне. Да и я помоложе была.

А с другой стороны – как же этих-то одних оставить, Алана с Гармаем? В самое-то опасное время, когда и ростовщик злобится, и Синяя Цепь изошрённую месть готовит...

– Вот что, парень, – грустно сказала я. – Расскажи мне как можно подробнее об этой разбойной стае. Любую мелочь припомни. Обещать я тебе ничего не могу, да если и выйдет, быстрого исхода не жди. Две луны, а то и три. Но ты понимать должен: если уж нет в живых твоей невесты, я с Нижних Полей её не выволоку, такое и богам неподвластно. А вот наказать негодяев, так уж и быть, попробую...

На ночь глядя отправляться не след. Как полагается, с рассветом выйду. Опять же, меньше любопытных глаз. Скрыть мое отсутствие, конечно, немисливо, но пускай хоть направления не знают. Наверняка кто-то да заметил парня из Ноллагара (я так и не удосужилась поинтересоваться его именем). И немало найдётся тех, кто по виду поймёт, откуда он родом. И что он ко мне ходил, должно быть, на заметку взяли. Не стоит показывать, что я именно туда по северной дороге и направляюсь. Ноллагар хоть и далеко, но слухами земля полнится.

Оставалось поговорить с Аланом да собраться в путь.

Постояльца своего я нашла молящимся. Был у него, как выяснилось, вырезанный из какого-то незнакомого мне дерева крест, с ладонь величиной, укрепил он его на стене – и,

склонив голову, тихо-тихо шептал что-то. Причём стоял, хотя ему рановато лишний раз ноги трудить.

Мальчишка, разумеется, был возле него. С того дня, как я с ним поговорила, он буквально ни на шаг от господина своего не отходил. За исключением, понятно, хозяйственных забот. Боялся расставаться.

Тем лучше. Лучше сразу с обоими объясниться, чем с каждым порознь.

– Извини, что прерываю, – кашлянула я. – Но разговор у меня к тебе, господин Алан, серьёзный да скорый.

Он, плохо скрыв недовольство, повернулся.

– Что такое, тётушка?

– Придётся мне надолго отлучиться из города. Может, на луну, а может, и на две. Зовут меня к далёкому больному, в северные края. Отказать невозможно, помочь надо почтенному человеку. Но и вас тут одних оставлять боязно...

– А что такого, тётушка? – встрял Гармай. – С хозяйством мы управимся, не сомневайся, и деньги у нас найдутся, еду покупать. И дом обережём в лучшем виде...

Ну ничего себе? Младший позволяет себе перебить речь старшего. Не говоря уж о том, что раб... И что самое безумное в этом – меня совершенно не тянет отвесить ему затрещину. Видать, я с ними двоими и сама всякий ум потеряла.

– Не того боюсь. По хозяйству ты, парень, и впрямь ловок. Да вот господин твой... Алан, – повернулась я к тому, – ты же никак проповедовать своего Бога начнёшь? Не утерпишь ведь? Как бы не кончилось это тем, что, вернувшись, я тут вместо дома груды головешек найду... И вас в яму кинут, и дом пожгут. Посему уже не требую, не грожу, понимаю, что без толку. Просто прошу от сердца – потерпи. Замкни уста, продержишь это время. Как раз к моему возвращению окрепнешь, и пойдёте себе вольными пташками. Но до той поры – молчи.

Гляжу, задумался Алан, голову опустил, глазами пол сверлит, словно там чего интересное есть. А нету ничего, даже пыли – мальчишка с утра подмёл.

– Не знаю, что и сказать тебе, тётушка Саумари, – ответил он наконец. – Пойми, я не могу дать слово, что отмолчусь, если меня напрямую спрашивать станут. Сам, своей охотой, так и быть, разговора не начну. Но сказано в нашем Писании, что каждому, кто о вере нашей спрашивает, должны мы дать прямой и ясный ответ. Одно могу обещать твёрдо – всё сделаю, чтобы не подвести тебя. И о том же Бога Истинного молить буду. Что бы ты о Нём ни думала, Он-то в тебя верит, Он тебя любит и ждёт...

Я и не надеялась на иной ответ. Потому и боязно – словно уходишь из дома, оставляя нараспашку дверь и огонь в очаге.

– А ты, – кивнула я мальчишке, – пойдём со мной.

Отвела я его на чердак, показала, где какие травы. Подробно растолковала, какие отвары делать, как поить ими господина и сколь часто повязки менять. Потом в подвал мы спустились, запалила я факел.

– Вот ещё что сказать тебе хочу, парень. Дорога мне дальняя предстоит, а ты и сам понимаешь, всякое в дороге случиться может. Да и я не первую дюжину на свете живу, мало ли... В общем, если я через две луны не приду, боле не ждите, ступайте себе. Но сперва вон тут, в левом углу, на два локтя раскопай. Горшок тут, а в горшке монеты. Лучше уж вам достанутся, чем невесть кому...

Помолчал Гармай, потом всхлипнул – и вдруг по руке меня погладил.

– Боязно мне за тебя, тётушка, – сказал он хрипло. – Болезнь-то тебе трудную лечить. Управишься ли? Эх, мне бы с тобой пойти, я в таких болезнях тоже кой чего понимаю. И ножом я владею, и топором, и дубинками, длинной да короткой... Только нельзя мне господина оставлять, за него мне ещё боле боязно. Бог Истинный, конечно, его слушает, да

только совсем он к жизни не приспособленный. А Бог – Он же далеко, не станет же по всякой мелочи помогать.

Ухватила я его свободной рукой за ухо, основательно дёрнула.

– Подслушивал, поганец? Весь мой разговор с кузнецом слушал? Да я шкуру с тебя спущу!

– Подслушивал, тётушка, – с виноватым видом признал он, не делая попытки освободиться. – Прости уж. Сомнение меня взяло. Парень-то крепкий, чисто медведь. И по виду нездешний, не городской. А если нож в рукаве кроет? Если подосланный он? Колдуны те, с посохами которые, они ж не успокоятся, ясен корень. Месть замыслили.

– Ладно, оставлю твою шкуру целой, – я выпустила его ухо. – Но впредь так не делай. Ежели чего, сама за себя постоять могу.

Интересно, а будет ли оно, это «впредь»?

Собиралась я не спеша, основательно. Сперва по соседям прошлась, предупредила, что к больному уехать придётся, и что пока у меня постояльцы поживут, так чтобы их не обижали да еду им носили.

Потом сходила в квартал скототорговцев, сторговала себе мула. Не нужен мне мул, проеду пару городков да и продам его, но пусть все знают, что старуха Саумари верхом путешествует.

После долго отбирала нужные травы, корешки да прочие снадобья. Много с собой брать не стоило, всем должно казаться, что я почти и без вещей – так, лёгонький, ничего не значащий узелок. Но и ничего важного упустить нельзя.

Подозвала я моего ящера, взяла на руки, погладила головку, там, где в шею переходит.

– Не скучай, Гхири, – сказала. – Вернусь я, никуда не денусь. А тебя тут кормить будут, ты уж не обижай гостей моих, не кусайся, ладно?

Соскользнул ящерок с моих ладоней, убежал восвояси. Понял, нет ли? Как знать?

Наконец, уже глубокой ночью, убедившись, что заснули мои постояльцы, вновь спустилась я в подвал. Отодвинула каменную плиту, достала свёрток, развернула холщовую ткань, а под ней – выделанную свиную кожу.

Вот оно, особое средство моё. Два пальца шириной клинок, два локтя в длину, чуть изогнутый, к острию сужающийся. А главное – особая сталь, по тайному рецепту сварена, как хочешь гнётся. Посему рукоять снимается, а лезвие обручем вокруг пояса завязать можно. Есть и прорезь в основании, куда кончик вставляется. Обмотаешься – и ни одна тварь не заметит, что ты при оружии, что тебе, простолюдинке, за то надо руки по локоть сечь...

Нечасто мне за последнюю дюжину лет приходилось доставать «средство». Жизнь я вела спокойную, оседлую, а в городе моя слава ведьмы посильнее будет, чем тысяча булатных сабель. Только вот сейчас направлялась я в дальние края, где никто – ну, совсем никто не знает ведьмы Саумари. А коли так, хитростью придётся действовать. Но в таких делах одной хитрости мало. Дюжины дюжин разбойников? Многовато. Вряд ли я и с тремя-то управлюсь. Учил меня наставник, много чему учил, в том числе и сабельному бою. Клинок ведь тоже от него достался – последний его дар, когда расставались. Запретил он мне за ним ходить, как я ни молила. Видать, просто пожалел девку, не взял в ту дорогу, которая лишь в один конец.

...Поначалу-то у меня совсем другой план был – вместе с юным кузнецом в путь отправиться. И место показал бы, всё лучше, чем по словесным его рассказам разбираться. И помог бы, двое-то не один. Но тогда бы он понял, что не таинственным колдовством я буду действовать, а обычной человеческой хитростью да ловкостью. Он-то, парень, по всему видно, хороший, да ну как сболтнёт? И пойдёт гулять молва, до Огхойи рано или поздно докатится. А уж если и впрямь надо будет рубиться... Нет, кузнец мне не нужен... не нужны

мне лишние глаза да языки. Из Огхойи выедет на муле тётушка Саумари, а в Ноллагар придёт пешком никому не известная старуха-нищенка.

...Незадолго до рассвета тихонько прокралась я в комнату постояльцев. Спали оба – мальчишка возле двери калачиком свернулся, Алан на спине у стены лежал. Поглядела я на их лица спящие – как знать, свидимся ли ещё. Поглядела-поглядела, да и пошла себе.

И только выходя из дома, поняла наконец, отчего мне лицо Алана то и дело знакомым казалось. Поняла – и едва крик в себе заглушила. На Миухири моего он, оказывается, похож. На мальчика моего, чьи косточки вот уже две с половиной дюжины лет в кожаном мешке тлеют, там, в окрестностях Ишилура, в скальной трещине. Вроде бы и черты по отдельности другие, и волосы нездешние, и цвет лица – а вот когда всё вместе складывается...

Пересилив себя, я быстро сошла с крыльца, быстро оседлала мула, распахнула ворота. И так мне хотелось вернуться, ещё раз на него глянуть...

А нельзя – меня, можно сказать, больной ждёт...

Глава седьмая

Караван я нагнала ближе к вечеру. Солнце уже не такое злое было, не полуденное, и блеск его заметно пожелтел. Самое лучшее время, чтобы двигаться. Мой мул, которого я нарекла Зиурхи, что на древнем меннарском языке значит «ненадолго», тоже так считал. Не приходилось понукать скотинку, резво шёл. Впрочем, у меня с ним сразу дружба наладилась.

Это был уже четвёртый караван, и, кажется, наконец такой, какой нужен. Три дюжины людей, две дюжины вozов, запряжённых могучими, но совершенно кроткими и глупыми быками, таких тут, в Ноллагаре, специально выращивают. Везли товар полезный, но не драгоценный – выделанную кожу, вино с юга, лошадей – не благородных жеребцов, конечно, но крепких и ладных лошадок, полезных в хозяйстве и селянину, и городскому жителю. Тёртое зерно везли, соль и смолу. Не золото, не серебро, не изумруды. Оттого и на охрану поспешили – шестеро было стражников, и судя по животам их, не лучшие это бойцы. Обращаться с копьями да саблями их наверняка учили, да за долгие годы безделья вся наука в пыль ушла.

Спокойные годы длятся в Высоком Доме – вот уже, почитай, пятую дюжину лет не было большой войны. Западных варваров разбили ещё при покойном государе Амангаилу, с севера опасаться некого – тамошние племена и не думали объединяться в общую орду, непрерывно грызясь друг с другом. А Восток...

Ну, восток дело непростое. Появлялись там время от времени крепкие вожди, но зубки-то им государевы легионы быстро обламывали. Высокий Дом не стремился завоёвывать эти бескрайние жаркие степи – землицы и без того хватало, а степнякам нужны были наши товары... и потому установился шаткий, неопределённый мир.

Настоящая опасность грозила лишь с юга – там за Змеиным Морем (потому и названо так, что длинное да узкое) давно уже укрепились империя Ги-Даорингу. И оттуда, из-за моря, поглядывали на Высокий Дом... поглядывали, прикидывали, корабли строили один за другим... Но до открытой схватки пока не доходило.

Наставник мне объяснял, что это плохо, время работает против Дома. Войско, ни разу не побывавшее в настоящем сражении, немногого стоит. Ежедневная муштра необходима, говорил он, но совершенно недостаточна. А для того, чтобы разбойников в страхе держать да бунты селянские в зародыше давить, много воинов не требуется – тут важнее опыт бойцов да сётка начальствующих...

Ударит по нам когда-нибудь Юг, непременно ударит, и мало Дому не покажется. Если б верила я в богов, об одном бы молила – пускай не при мне, пускай хоть чуточку, да после. Не хочу глядеть, как древней земле нашей кишки наружу выпустят. О Ги-Даорингу мало что известно, но достаточно и редких слухов. Высокий Дом не заподозришь ни в излишнем милосердии, ни в неразумной жестокости. У нас за недоплаченную подать на кол не сажают, за едкое словцо о властях в медном драконе не жгут – всего лишь высекут.

...Прежние караваны не годились – или они были слишком уж многочисленны, или, судя по охранникам, везли что-то по-настоящему ценное. Я целую седмицу сидела как в засаде на этом грязном и скудном постоялом дворе. Всё достоинство его крылось лишь в том, что на Большой северной дороге он последний между Иггиду и Ноллагаром.

И всего в дне пешего пути – Костяная Чащоба. Самое неудобное место для купцов – и самое лучшее для разбойников. Именно здесь и резвится Худгару, здесь и стриёт караваны, словно шерсть овечью. Дорога в Костяной Чащобе сужается настолько, что двум гружённым вozам трудно разъехаться. К обеим сторонам дороги вплотную примыкает лес... По-хорошему, уездный начальник давно должен был бы там всё вырубить на два полёта стрелы. Но сколько этих начальников сменилось, а лес и ныне там.

Я уже изрядно устала, когда впереди показались клубы пыли. Ведь я не сразу вслед за караваном припустила, выждала время. Успела и над собой поработать, и в ближнем селе мула своего забрать, щедро заплатив доброму селянину медной монетой.

Ползёт, ползёт караван огромным дождевым червяком. И верит червяк, что нет до него дела прожорливой птице...

– Любезные, – нагнав задние повозки, громко спросила я, – кто тут у вас за главного?

До ушей заросшие мужики остолбенело вылупились на меня, пожевали губами знойный воздух. В глазах их сквозила отчётливая мысль: «Откуда такая взялась? И к добру ли?»

– Поезжай вперёд, высокородная госпожа, – наконец ответил дядька посмышлёнее. – Там он, впереди, господином Гайхной звать.

Я действительно была теперь высокородной госпожой. Платье из искрящегося, расшитого летучими змеями синего шёлка, изумрудная брошь в чёрных как смоль волосах, изящные сандалии хитрого плетения. Мне удалось помолодеть по меньшей мере на пару дюжин лет. Сейчас на ухоженном муле пробиралась между повозок знатная, напыщенная особа. Которая, по всему видать, и богата, и весьма недурна собой.

В кои-то веки пригодились мне особые краски, притирания да лаки. И бронзовое, идеально отполированное зеркальце. Долго вся эта красота не протянет, не более пары дней, но мне и не надо долго.

– Мир и здоровье вам, почтенные господа. Кто из вас двоих Гайхной? – обратилась я к тем, кто, скорее всего, и был мне нужен. Двое пожилых, солидной внешности купцов ехали верхами, бок о бок, и о чём-то нервно переговаривались. Все остальные на роль хозяина каравана не годились – слишком простоваты.

Протянулась понятная пауза. Тоже удивляются.

– Это я Гайхной, высокородная госпожа, – склонил седую голову всадник в светло-сером плаще. – Могу ли я спросить о твоём имени?

– Можешь, почтенный, – улыбнулась я так, что оба старичка наверняка вспомнили свою игривую молодость. – Имя мне Гайомах-ри, я жена славного Сайготтин-ри, старшего писца Налоговой Палаты из города Гменниройи. Была я, с позволения мужа, в гостях у отца своего и матери, в Иггиду. Ныне возвращаюсь домой, да вот в дороге со мной произошла неприятная история. Слуги, которых брала я для сопровождения, подло изменили мне и скрылись. Прихватив, замечу, все мои драгоценности. Равно как и дорожные припасы. Это случилось сегодня утром... Представляете, я просыпаюсь на постоялом дворе – и никто не помогает мне одеться, никто не несёт подогретую воду для умывания! Я не знала, что и думать. А подлый содержатель постоялого двора потом клялся, что ничего не видел и не слышал. Наверняка он был в сговоре с негодяями! Слава богам, хоть жизни меня не лишили во сне. Но всё равно это не спасёт мерзавцев от мучительной казни. Едва лишь я вернусь в Гменниройи, славный Сайготтин-ри поднимет на ноги всю уездную стражу!

Я всхлипнула, изобразив горлом, сколь тяжки мои страдания. Оба купца с живейшим интересом внимали.

– Но сперва надо вернуться домой. А дороги тут, говорят, опасные. Я не знала, что и делать, но один добрый селянин сказал мне, что впереди движется ваш караван, и что я, если изрядно поспешу, успею нагнать его до захода солнца. Верно говорят, что и среди низкого люда встречаются высокие сердца... Я мчалась весь день, я измучилась сама и измучила моего бедного мула, но, слава богам, всё же нагнала вас. Ты, почтенный Гайхной, конечно, не откажешь мне в помощи и защите?

– Ну разумеется, высокородная госпожа! – сейчас же закивал предводитель каравана. – Разве можем мы оставить в беде беззащитную и... – он чуть помедлил, видимо, размышляя, не сочту ли я его излишне дерзким, – и такую прекрасную даму? С радостью услужу тебе всем, чем могу... Единственно опасаясь я, что пища наша покажется тебе излишне грубой,

а быт – устроенным не так, как ты, должно быть привыкла. Да и люди у меня наперечёт, боюсь, я не смогу приставить к тебе слугу и тем более служанку... Сама видишь, люди мы торговые... Но всё, в чём будешь испытывать нужду, говори мне, я постараюсь услужить...

Ну, что в караване только одни мужчины, я и сама понимала. Более того – будь тут хоть одна женщина, я непременно изменила бы уловку. Женщину моими ухищрениями обмануть куда труднее, чем этих вот...

– И ещё сложность одна, – нахмурился купец. – Мы же не Гменниройи следуем, а в Ноллагар, ярмарка там сейчас. После домой... А от Ноллагара до Гменниройи ещё два дня пешего пути... ну или день конного...

– Превосходно! – я мило улыбнулась. – Замечательно. Я остановлюсь в Ноллагаре и пошлю весточку мужу, он немедленно явится за мною... И если вы не успеете ещё отправиться обратно, то славный Сайготтин-ри достойно вознаградит вас... Ну или потом письмо ему пошлёте с верным человеком...

Вот так и попала я в этот караван. Только бы сработало! Но должно, должно сработать. Подходящий груз, подходящая охрана. Предыдущих разбойникам пришлось пропустить, тем более они захотят урвать своё. И неслучайно на том постоялом дворе двое оборванцев сперва стреляли глазами, словно бы от скуки шлялись около повозок, а после вдруг не пойми куда делись. Оставив даже пиво недопитое. Это оборванцы-то! Вернее знака не бывает.

Я наблюдала это сквозь полуприкрытые веки. Всем, должно быть, казалось, что полудохлая старуха-нищенка в грязном тряпье, которую из милости пустили переночевать под крышей, ничего уже не видит, не слышит, да и вообще доживает последние свои дни. И уж точно никому не могло и в голову прийти, что в ближайшей деревне старуху дожидается ладный мул, а в лесочке неподалёку надёжно укрыт её багаж. Багаж, стоящий, пожалуй, поболее, чем весь этот постоялый двор...

...Уже на второй день после отъезда из Огхойи я поняла, что первоначальную задумку надо менять. Да, я, конечно, смогу пешком под видом нищей побирушки незаметно дойти до Ноллагара. Могу вплотную приблизиться и к лесной крепости разбойников. Но что дальше? Какой такой дух Ингрийя перенесёт меня через частокол высотой в три человеческих роста? Как мне удастся справиться со стражей, как я смогу подобраться к Худгару? В услугах ведьмы разбойники вряд ли нуждаются, а если и надо им кого лечить – так и местные бабки найдутся.

Единственный способ попасть внутрь – это попасть туда пленницей. И нищая старушонка тут не годится, кому она такая нужна? А вот знатная дама, не слишком юная, но весьма привлекательная собой... за которую муж отвалит немалый выкуп – это гляделось красиво. По крайней мере, внутрь уж точно попаду и с главарём разбойников увижусь. Далее – по обстановке. К тому же чем ещё хорош разграбленный караван – товар сбыть надо. Значит, часть разбойников вскоре поведёт тех же быков, запряжённых в те же повозки, в тот же Ноллагар на ту же ярмарку. Внутри останется меньше народу, а мне это на руку.

Уловку я приготовила загодя. В городе Гменниройи действительно был старшим налоговым писцом славный Сайготтин-ри. Ну, не знаю уж, насколько он славный, но супругу его, чванливую Гайомах-ри, я три года назад действительно лечила от камней в почках. Дошла до неё слава обо мне, отважилась на длительное путешествие. Изумрудная брошь в моих волосах некогда принадлежала сей знатной дамочке. Часть платы за исцеление.

Конечно, был риск, что кто-то из караванщиков знает в лицо эту особу – ну так на этот ничтожный риск у меня и другая сказка имелаась.

Теперь оставалось только ждать да надеяться. По моим расчётам, в Костяную Чашобу мы придём ещё до восхода луны. Самое удобное время для разбойников. Старик Гайхной тоже это, видать, понимает, но слишком уж он торопится. И без того задержался в пути, ещё

одну ночь в безопасном месте пережить – этак к началу ярмарки не успеть. А успеть надо непременно.

Жаль старика. Не попадёт он на свою ярмарку. А что делать? Со мной ли, без меня ли, а не миновать ему Костяной Чащобы. И всё-таки чувствовала я себя неуютно. Получается, будто его грядущая беда мне в радость. Ну, в радость не в радость, а уж точно на пользу.

Утешало лишь то, что если всё у меня сложится, Костяная Чащоба надолго станет безопасной для караванов.

Я чуть не прозевала время. Едва не сморило меня. Разумеется, ни о какой езде верховой сейчас и речи не шло, меня разместили на возу с сеном – кормом для этих самых ноллагарских быков. И так истомилась я за день, так болели все мышцы, так звенело в голове – что и не заметила, как заплескались над моей головой тёплые невидимые волны, и представилось мне, будто вновь я на просоленной палубе «Стервятника», и стоит рядом наставник Гирхан, и знаем мы с ним оба, что только чудом сумели ускользнуть из Хиуссы, из цепких лап Храмовой Стражи...

Но что-то всё же толкнуло меня, и стряхнула я морок. Уже заструилось из-под едва заметного горизонта слабое сияние – восходила луна. Значит, мы уже здесь, в Костяной Чащобе. И смыкаются над нами кроны вековых деревьев. Значит – скоро начнётся. Может быть, прямо сейчас.

Первым делом я узел с вещами своими в сене зарыла. Не то разбойнички его тут же у меня бы и отобрали. После разберусь. Воз приметный, колёса у него синим окрашены. Обычай тут есть такой. Синий – это цвет бога торговли Гиаргузими. Чтобы удачно караван расторговался, надо хоть одному возу колёса синим выкрасить, нравится это лукавому небесному прохождению. И повезло мне, что именно на такой вот жертвенный воз меня поселили.

...Всё началось как-то больно уж просто. Почти одновременно треск раздался и спереди, и сзади. Треск – а затем грохот. Это, как я поняла, деревья подпилили и на дорогу обрушили. Бежать, значит, некуда. И не видно ничего, луна ещё не взошла, от звёзд никакого толку, а факел на передней повозке разгоняет тьму не более чем на пару локтей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.